

ЕВДОКИЯ ТУРОВА
**Спасеньє
огненное**

Евдокия Турова

Спасенье огненное (сборник)

«Маматов»

2011

Турова Е.

Спасенье огненное (сборник) / Е. Турова — «Маматов», 2011

«Спасенье огненное» – последняя книга Валентины Ивановны Овчинниковой, более известной читающим людям под псевдонимом Евдокия Турова.

В настоящее издание включен цикл рассказов «Слезы лиственницы», выходивший в свет ранее и заслуженно отмеченный литературной премией имени П. П. Бажова.

© Турова Е., 2011

© Маматов, 2011

Содержание

След в науке и литературе	6
Спасенье огненное	7
Серебряный след	7
Тур и Анфал	7
Миссия Ибн-Баттуты	9
Изветчик	12
Пера-маа	18
Кудым-ош	23
Рабство	26
Дух ветра	30
Священное блюдо	34
Матушка-Вятка	38
Мы шли...	38
Речная война	39
Серебро перемское	42
След огненный	46
Анфал и рассоха	46
Жёнки устюжанские	49
Выпугали соловья из куста...	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евдокия Турова

Спасенье огненное (сборник)

© Евдокия Турова (наследники Овчинниковой Валентины Ивановны), текст, 2011.

© Издательство «Маматов», 2011

* * *

След в науке и литературе

Валентину Ивановну Овчинникову (литературный псевдоним Евдокия Турова) знают как самобытную писательницу, автора книги «Кержаки». Но далеко не все в курсе, что большую часть своей жизни Валентина Ивановна посвятила науке.

После окончания в 1971 году физического факультета Пермского государственного университета она работала учителем физики в средней школе. С 1972 по 1997 годы – в штате Пермского политехнического института. Здесь, начиная с должности старшего инженера Республиканского инженерно-технического центра порошковой металлургии, Валентина Ивановна осваивает секреты исследовательского мастерства. Сфера ее научных интересов связана с разработкой новых функциональных материалов и изучением их свойств с использованием методов рентгеноструктурного анализа, которым она овладела в совершенстве. В 1983 году Валентина Ивановна успешно защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата технических наук. За четверть века работы на ниве науки ею проведен обширный объем исследований.

Около 20 научных публикаций в России и за рубежом, 17 изобретений – такой след в научном мире оставила она, будущий писатель.

Валентину Ивановну отличал творческий и неординарный подход к решению проблем. В частности, когда для научно-исследовательских работ ей потребовались переводы научных статей с японского языка, а в Перми не оказалось нужных для этого специалистов, она решила самостоятельно освоить японские иероглифы. Впоследствии Валентина Ивановна считалась лучшим переводчиком с японского в Перми, принимала активное участие в работе Русско-Японского общества дружбы.

Человек широчайшей эрудиции, Валентина Ивановна интересовалась живописью, археологией, – вплоть до того, что лично ездила на раскопки. Отличаясь глубокой врожденной интеллигентностью, предпочитала всегда делать все сама от начала до конца.

Литературным творчеством Валентина Ивановна начала заниматься в середине 1990-х годов. Ею написан цикл рассказов о деревенском быте, жизненных ценностях и морали пермских крестьян-кержаков. Произведения публиковались в журналах «Урал», «Библиотека», сборнике «Литературная Пермь» и других изданиях. Творческое дарование В. И. Овчинниковой отмечено в 2006 году Всероссийской литературной премией им. Павла Бажова «За художественную прозу, раскрывающую историческое прошлое Урала».

Валентина Ивановна многого не успела. Ушла от нас, оставив незаконченные рукописи, не реализовав многие творческие планы... Осталась неопубликованной и эта книга, для которой автор сама подбирала обложку и иллюстрации.

Выпуск книги – дань уважения замечательной женщине, ученому, писателю и другу, а также возможность в ненавязчивой манере познакомить новых читателей с историей Пермского края. Часть средств на издание книги собрали бывшие коллеги Валентины Ивановны по Республиканскому центру порошковой металлургии, работающие сейчас, в основном, в ЗАО «Новомет-Пермь».

Спасенье огненное

Владимир Луговской

Ушкуйники¹

А. Ф. Луговскому

*Та ночь началась нетерпением тягучим,
Тяжелым хрипением снега,
И месяц летал на клубящихся тучах,
И льды колотила Онега.
И словно напившись прадедовской браги,
Напяливши ночь на плечи,
Сходились лесов вековые ватаги
На злое весеннее вече.<...>
И ты, мой товарищ, ватажник каленый,
И я, чернобровый гусярник;
А нас приволок сюда парус смоленый,
А мы – новгородские парни,
И нам колобродить по топям, порогам,
По дебрям, болотам и тинам;
И нам пропирать бердышами дорогу,
Да путь новгородским Пятинам,
Да строить по берегу села и веси,
Да ладить, рубить городища,
Да гаркать на стругах залетные песни,
И верст пересчитывать тыщи;
Да ставить кресты-голубцы на могилах,
Да рваться по крови и горю,
Да вынести вконец свою сильную силу
В холодное Белое море.*

Декабрь 1925 – 22 января 1926

Серебряный след

Тур и Анфал

– Ой-ей, берегися, сторонися!

– Шуму-то ноне на пристанях Новагорода, крику-то! Пора гостям в море, погода уходит, а разгрузчиков мало. Команде перед походом надо дать отдыха, а где взять людей на разгрузку?! Шумят люди на главной площади, шапки оземь бьют и на грудки сходятся. Иные уж и зубы выплевывают.

Боятся голода. Лето мокрое выдается. В прошлом годе тоже был неурожай, чуть ли не кору пришлось жевать.

Вечевой колокол по три раз на дню гудит, тревожно, жутко да же слышать его. Тятя Василья торопит сходить в гужевые ряды, подыскать упряжи да домой собираться. Тревожно в

---

¹ Луговской В. Стихотворения и поэмы // 2-е изд. – М: Советский писатель, 1966. – (Библиотека поэта. Большая серия).

городе, голод но. Не пойдут ли селенья грабить? Чем жить, на зиму глядя, ежели все отымут?! А Василью в родную избу неохота. Походил, потолкался на пристане, нельзя тятю послушаться, пошел упряжь искать.

– Эй, как тебя? Гузно подымешь? Две деньги дам, вынать товар надо, давай, пособи, расчет честью!

– Тятю спросить надо, домой тятя торопит!

– Тятю... Тыфу ты, малой еще.

– Не малой. Гузно любое снесу. А тятю скажусь. Да я одной ногой!

Крякнул тятя, но сына отпустил. Дотемна успеем. Да и за ночь ничего не случится. А запас надо иметь в тревожное время.

Василей на каждом плече несет и бегом бежит. Взмokли волосы, густые и толстые, как лошадиное сило, потемнели синие глаза – девичья гроза. Только и передохнул, когда до нужного места бегал. Деньги тятю отдал, тот – в гужевые ряды, а ты, мол, ступай до нашего обозу, тронемся ноне.

– Посторонись – поберегись!

Все так же тащат и тащат товар по широким сходням вниз. Чего только нет, а вот этого чуда – не было. На сходни кинут толстый ковер, по нему два стрельника посадских бережно сводят неимоверной красоты вороного коня. Укрыт конь суконной попоной, голову высоко держит, хвостом бьет. Василью и ум отшибло. С лошадаками-то он с малых лет, и в упряжь, и верхами, но то разве лошади... На повороте суконная попона возьми да зацепись за рухлядь, грудой сложенную, – кучно на пристане-то. Поползла попона, один стрельник, что сзади, стал другому маячить, тот рот разинул, обернулся, не понимая. У Василья рука сама собою сделалась длинная, вырвала у стрельника зауздок. Взлетел коню на спину, прижался к шее, вздыбил жеребца. Враз все ближние отхлынули, пусто стало вокруг, а народ со всех сторон набежал, встал кольцом. Жеребец сразу загарцевал, закрусовался, разминая горячее тело. Стрельцы было и кнутом, и арканом, да боязно дорогую лошадаку тронуть.

– Эх-ма, любо как, жизнь моя молодая!

Красуется, дыбится жеребец, скачет и скачет лихой новгородский парень Василей Тур.

Дорого бы заплатил Василей за молодечество свое, но его вызволил мужик из боярских людей. Большой силы, видно, мужик. Что-то сказал стрельникам негромко, и те Василья выпустили.

– Смерд?

– Ну...

– Крещеный?

– Н-ну, Васильем крестили... А так-то – Тур.

– Грамоте знашь ли? Плотничашь?

– А то!..

– Вот сюда гляди, запоминай. Запомнишь?

– Ну...

– Ну да ну! Баранки гну! Сказывай, что запомнил.

– Сказывается, что есть-де земля такая, тамока смердов нет, все своеземцы, ораници сколь сможешь орать, столь и имашь. Привольно, мол, богато живетсЯ тамока. А охотою можно на низовых татар сбегать по Итилю, у их богатые становища есть. А как дойти туда, Дробило Нездылов скажет, живет возле Демянска. Он, Дробило-то, укажет, как до котельника Нежила Прибышица дойти, а Нежил дале покажет, сколь сам знат. Все.

– В дружину мою пойдешь? Могуч ты телесно, кровь в жилах горячая, молодечеством покрасоваться тянет. Айда со мной по Итилю гулять да бить басурманов! Уж струги готовы на Вятке-реке.

– Пошел бы, здесЯ у нас мало ораници, и не родит второй год.

– Ну, сказывай Дробилу: «Анфал-мо меня позвал».

Не знал Василей, что в рай не зовут... Поперся искать счастливую землю. Нашел одного за другим Дробилу, Нежила, Ивана. Пришел с дружиною Анфала на Пермь Великую, на Вишеру, Каму-реку и реку Вятку.

Здесь, на новгородской земле, история делала свой отбор и выбор – шаг первый. Вот он, Василей, мощный парень-тур, и лихой, и мастеровитый. И струг срубить, и грести, и ордынцев бить, и пахать. Анфал позвал его, воля вольная его позвала...

Анфал... Лет сто гулял Анфал с дружинами по реке Итилю, которая еще не была великой русской рекой Волгой. На ее берегах стояло государство Булгария, ордынская столица Сарай, огромный богатый город. Орда жирела. Кочевник осел в городах, построенных для него тысячами русских плотников, каменотесов, гончаров, кузнецов. По Волге шли караваны судов из стран Востока, Индии и Китая. Самым прибыльным ордынским товаром были русские рабы. Стоном стонала земля русская от татарских набегов, горели города и деревни, уводились в полон русские люди. Не было спасения от неисчислимой дикой конницы.

Новгородцы, прекрасные мореходы и корабли, купцы-воины, нашли у степняков слабое место. Река! Степняки-ордынцы на реке – никто, они боялись реки, ее таинственных глубин, населенных водяными и другой неведомой нечистью. Паника охватывала татар при одной вести о приближении боевой речной ватаги. Ушкуйники – прекрасно вооруженные, дерзкие профессиональные воины. Такого противника в открытом бою ордынцы одолеть не могли. Ханы с поклоном предлагали дань, чтобы их только оставили в покое. Лучшие дети боярские хаживали в такие походы, а богатейшие купцы Новгорода ссужали деньгами.

Анфалу не предлагали откупа. Его дружина шла уничтожать Орду, жгла и разграбляла Сарай до основания. Он не раз погибал в бешеных стычках. Но ненависть к Орде призывала его, он был нужен – и Анфал оживал. Вновь по рынкам и пристаням начинали поговаривать, – мол, в дружину к Анфалу зовут... Наверно, душа Анфала не покидала родной земли. Народ порождал его снова и снова. Строились струги-ушкуи, его ждали, и он появлялся – громадный, лихой и непобедимый. Наливался властной силой синий взгляд боярского сына али простого смерда, разбойный свист отбивал ум татарину и обращал его в бегство.

Тура Анфал позвал в свой последний легендарный поход. В укромном месте уже ждали его сотни две ушкуев, добры молодцы готовы были кинуться в бешеную схватку. Сарай будет полностью уничтожен, разграблен и сожжен. От этого удара Орда уже не оправится. Беспредельная наглая сила кочевников наткнулась на силу превосходящую, безжалостную и неподкупную – народную силу. И ордынская нечисть рассыпалась, как морок ночной, как наваждение, и следов не оставила...

«...Есть земля такая, тамока смердов нет, все своеземцы, ораницы сколь сможешь орать, столь и имашь. Привольно, мол, богато живетса тамока...» Куда Анфал звал Василья? В какую землю?

Не было еще счастливой крестьянской земли, еще не проложена была борозда в диких местах, там, где жили вотяки и черемисы, вогулы и пермяне. Там Василью и множеству других таких же мужиков да баб новгородских предстояло жить, хлебнуть там полной мерой горя и радости, ужаса смертного и благодати спасенья. Там решалось, какова будет земля русская через много-много веков. Они шли первыми.

Туда, на громадные холодные земли, обращены были мысленные взоры многих современников Тура.

Миссия Ибн-Баттуты

«У руссов серебряные рудники и из страны их привозятся саумы, то есть серебряные слитки, на которые продается и покупается [товар] в этом крае. Вес такой саумы пять унций»

– перечитывает написанное Шейх Абу Абдуллах Мухаммед Ибн Абдуллах Ибн Мухаммед Ибн Ибрахим ал-Лавати. Покачивается подаренная ханом Узбеком удобная повозка, медлителен шаг верблюдов, влекущих ее.

Этот манускрипт через пять веков назовут знаменитым «Путешествием», автор останется в памяти потомков как Ибн-Баттута. Он совершал свои путешествия по всему необозримому мусульманскому миру «...во имя Аллаха, милостивого и милосердного...». В удобной повозке, сопровождаемый женами и наложницами, слугами и невольниками. Как маленькое бродячее государство, караван почти тридцать лет скитался из конца в конец земли. Менялись верблюды, реке, но тоже часто менялись жены, рождались дети, порой умиравшие от походных невзгод. Досточтимого шейха с почетом принимали эмиры и ханы, он подолгу жил во дворцах, любил роскошь и при любом удобном случае заводил обширный гарем.

В детстве ему приснился пророческий сон.

«Мне снилось, что я лечу на крыльях огромной птицы, которая несет меня к Мекке, потом поворачивает к Йемену и, наконец, доставляет в сказочную зеленую страну». Волшебной и сказочной была для него Индия, но по пути туда он открыл для себя другую зеленую страну, которая так и осталась для него неведомой, населенной диковинными людьми и манящей несметными богатствами. Это Пермь Великая.

Много дней Ибн-Баттута провел в беседах с властителями обширных земель, малоизвестных просвещенному миру детей пророка. Орда еще не так давно приняла ислам, нужно было прикладывать усилия, чтобы войти в огромный богатый и культурный исламский мир, раскинувшийся от Индии до Испании. Великая культура восхищала ордынцев: ученые, поэты, зодчие создавали рукотворный рай на земле. Собирая богатую дань с покоренных славян, торгуя ими, как скотом, хан Узбек жертвовал на постройку мечетей и медресе в магометанских культурных центрах.

Окружение хана не желало терять обычаи кочевой жизни, устройство быта ханской семьи было самым суровым. Но гость жил в удобстве и даже роскоши. Правда, любимый ханом кумыс очень не понравился тонкому ценителю хорошей кухни. От местного хлеба вспучивало живот. Ежедневная жирная баранина быстро приелась. Ни любимых дынь не было, ни винограда, ни инжира. Садов в этих краях не будет еще лет четырехста. А вот славянские невольницы поразили его прозрачностью глаз и нежной белизной кожи. Они, правда, были совсем дикие, арабских наречий не знали и не умели сладострастным танцем разжечь в мужчине благородный огонь желания.

Хан поведал гостю о нравах и обычаях руссов, с которых он взимал дань. Ибн-Баттута узнал, что эти народы убоги, им неведомы науки и высокие ремесла, что свои дома и храмы они строят из дерева, и те часто бывают пожираемы огнем. У них нет ничего подобного медресе, где юношей питали бы знания прошлых веков. Они вообще не уважают мудрость и не накапливают ее. Молятся они разным богам, многие почитают Христа. Никаких особенных богатств в этих землях нет, только и взять, что невольников: они приятной наружности, сильны, выносливы и не мстят. Они жили бы совсем бедно, но где-то далеко к северу, вдоль Каменной спины мира, у них есть потаенные серебряные рудники. Никто из людей хана там не бывал, но им рассказывали об этом в северном улусе, в верхнем течении Итиля.

Ибн-Баттута, арабский купец и путешественник (1304–1377)

А сами люди севера покрыты шерстью, как будто звери, но ходят на двух ногах. Там полгода – ночь, только дивной красоты огни горят на небе, и ничего красивее никогда не было и нет. А попасть туда можно по рекам, которые зимой становятся твердыми, как камень.

И араб Ибн-Баттута, никогда не интересовавшийся никем, кроме мусульман, решил достичь тех земель и своими глазами увидеть и небесные огни, и серебряные рудники.

Это удивительно. Вот не пошел же на пермский север Марко Поло, тоже знаменитый путешественник. Марко Поло бывал в Булгарах, более того, там одно время жили его отец и дядя. Их семья не была близка к сильным мира сего – обыкновенные купцы. В своих записках Марко Поло просто повторил то, что, видимо, знали все. «Много у тех людей на севере дорогих мехов, у них есть соболя, и горностаи, и белки, и эрколины, и множество лисиц. Но главное –

серебряные рудники». И все, резюмировал Марко, более тут ничего интересного нет, пойдем В...

И повел рассказ про Китай.

Ни татары-ордынцы, ни татары-булгары никогда не совались на пермские севера. Никогда. Ни разу единого. Ибн-Баттута на север пошел. Он снарядил экспедицию и дождался зимы. Его уговорили оставить жен и наложниц в Булгаре, что для жизнелюбивого путешественника было немалой жертвой. Накупил одежды, полностью для него непривычной. «...Надевал по три шубы и по двое штанов, на ногах были валенки, а сверху еще и сапоги из стеганых полосок материи, поверх которых вдобавок надевались сапоги для верховой езды из медвежьей шкуры». Упакованный таким образом, он не мог сам без посторонней по мощи даже взобраться на лошадь.

По замерзшим рекам экспедиция тронулась в путь. Нормы ислама требовали многократного омовения в течение дня. Долбили лед и совершали омовение. Студеный ветер с верховьев гудел по реке, до зеркальной гладкости оголяя лед. Верхом было уже невозможно, шли пешком по границе льда и снега. На льду ноги скользили, в снегу тонули, встречный ветер опрокидывал. Борода Ибн-Баттуты заледенела, кожа на лбу потрескалась. Нанятый в Булгаре народец, боясь гибели, начал сбегать. Тщательно хранимые в глиняном горшке угли от мороза погасли. Мучила жажда, которую снег не унимал, а отбирал последнее тепло. Но Ибн-Баттута повернул назад только тогда, когда не смог добыть воды для омовения. Хоть и обморозился основательно, но остался жив, и мир узнал его записки. Поднимись он по Каме чуть выше – шансов уцелеть у него не было бы никаких.

...Ибн-Баттута все же достиг Индии и провел восемь лет при дворе султана, став одним из его приближенных. Он, так любивший жить богато, имел дом и собственную мечеть, гарем и многочисленных невольников.

Вспоминал ли он посреди индийской неги зеркальный камский лед, студеный ветер с верховий и солоноватый вкус крови на потрескавшихся от мороза губах? Осталось ли сожаление о том, чего никогда не увидел? Самое жгучее сожаление для человека рожденного идти к неведомому...

Да будет мир праху досточтимого шейха Абу Абдуллах Мухаммед Ибн Абдуллах Ибн Мухаммед Ибн Ибрахим ал-Лавати. Он оставил бесценное свидетельство о том, сколь загадочной и притягательной была Великая Пермь в глазах его современников, какие богатейшие серебряные рудники мечтали найти в этих бескрайних северных просторах под черным небом, горящим сказочными огнями... Как мало знали о той земле, как страстно хотели узнать.

Известчик

– Своей ли охотой крестятся югра и пермь? И не срамят ли они наше византийское благочестие? – вопрошает с пристрастием князь московский про Пермь Великую.

– Богатства ради иной раз и крестятся, княже. Так они и русам новгородским служат богатства ради. А какое у их благочестие? Из древес Христовы фигуры вырезают, с ликом узкоглазым, какой был у ихнего Куды-водэжа. Раскрасят и молятся. Иконы имя непривычны, дак оне идолам этим молятся, как, мол, понятнее. Иной кровью козлиной губы христовы мажет, жертвы приносят. Срамят, ох, срамят благочестие!

Так отвечает князю его специальный посланник, все ведающий про обширный край именем Пермь Великая. Этот посланник – Эльдэнэ. Единственное, что он про себя знал: он – Эльдэнэ. О-о-эльдэнэ-э-э! Так протяжно и нежно когда-то пела мать, качая его. Может быть, это означало: «Мой сынок». Или «Весенний ветер». Или еще что-нибудь. Его мать была крещеная татарка, из просторных ордынских степей попавшая в московский терем. У него не было народа, не было родины. В Москве он постился и совершал крестное знамение, в татар-

ском шатре брал с расписного блюда жирные куски баранины, в юрте лесных людей пил теплую лосиную кровь. С русскими он говорил по-русски, с татарами – по-татарски, а с лесными людьми умел говорить молча, читать на лице шамана знаки власти и на своем – внятно обозначать покорность и внимание. При этом даже глаза его, круглые в Московии, превращались в узкие щелочки. Он погибал неоднократно, но он был нужен, жизненно важен для Московии, поэтому он оживал и вновь уходил в не ведомые края.

Спас полунощный. XVIII в. Фрагмент. Из собрания Пермской государственной художественной галереи.

Не зря говорят, что Москва – место мистическое. Деревня на болоте вдали от торговых путей, на которых издревле возни кали центры цивилизаций. Никогда не славилась Москва ни

ремесленниками, ни торговцами, да и крестьяне были малочисленны и худородны. Казалось бы, подняться абсолютно не на чем. Но идея власти витала в московских палатах, как будто ее питали некие подземные испарения, которые сгущались и принимали человеческое обличье, иной раз такое, от которого содрогался мир.

С момента возникновения Москва всегда хотела знать всё. Изветчики, как муравьи, несли и несли большое и малое слово в ее терема. Был составлен «Чертеж московских земель», только-только на живую нитку собранных, а то и вовсе покуда живущих сами по себе. На огромном кожаном листе – леса, реки, народы... Карта мечты. И мало-помалу неистовая московская мечта начала сбываться! Московия прирастала землями и людьми, поднялась как центр финансовый, идеологический и информационный. Изветы собирались, значит, и изветчики такие ходили.

И что бы князю московитов далекие пермяне и югра?! Разве не было дел поважнее? В те годы тяжело задувал северный ветер. Казалось, он доносил в Московию из Новгорода звуки вечного колокола, шум толпы. Смутное, тяжелое время. Слабела Золотая Орда. Она уже давно гнила изнутри, ушел, выветрился ее сильный злобный дух, заставлявший трепетать, ненавидеть и трепетать. Уже давно Золотая Орда была просто мифом, символом той страшной силы, страх перед которой объединял тверичей и владимирцев, Торжок и Псков, делая их покорными, заставляя платить дань. Темник Мамай решил восстановить былое величие. Его возмущало, что кочевники теряют злость, полюбили негу и роскошь, отдают дочерей женами в московские терема. Решил Мамай перехватить власть, навести страх, собрал войско, пригрозил сидевшему тогда владыке Орды и попер на Московию. Ордынский владыка шлет гонцов князьям московским. Мол, темник Мамай нам – никто. Бейтесь с ним, раз вы – наши союзники.

Ладно, кличем народ биться с Мамаем. А народ-то – воодушевился. Духовный подъем начался. Ополчение. С хоругвями, с женами и малыми детьми двинулся настрадавшийся народец на степняка. Разбил. Опять подъем, пение святых текстов. В Москву пришедши, объявляют: победили Орду! Колокольный звон и всеобщее счастье. Напинали всем, в ком прозрели ордынца. Сожгли терем ордынцев, где велся учет сборам, поступавшим от сопредельных княжеств. Конец игу! Того, кто сказал бы, как дело было, кого на самом деле разбили, порвали бы в клочья. Свобода!

Это народ может – орать про свободу. А правитель должен думать, как собрать дань. Власть князей стоит на дани. Ведь было иго – был страх. Даже богатый кичливый Новгород платил дань князю московскому, имевшему на то ярлык от Золотой Орды. А что теперь? Конец, конец всему приходит! Хаос стучится в дверь.

Только что говорил московский князь с посланником новгородским. Дивился тот, как Москва богата стала. Где бывшая деревянная нищета? Везде пестрые каменные шатры церквей. Внутри теремов кремля – удобное женам-татаркам пестрое узорочье. Низкие потолки нависают, как в любимых шатрах. Князья московитов носят роскошные до пят халаты узорчатые, золотом шитые. Дверцы в княжеских хоромах низкие для гостей. Хочешь не хочешь, а голову наклонишь, входя.

Разговор с послом новгородским тяжелый, очень тяжелый разговор. Должен был этот посланник привезти обозом из Новгорода серебра перемского, соли камской и прочего, да не привез. Говорит, решило вече: русы новгородские боле платить дани Москве не будут. «Ницево!» – так, цокая по-новгородски, отрезал посланник. А и верно: раз победили, кому платить? Русы выставляли войско в помощь? Выставляли. Опять же, и денег давали, ратникам платить. Дадены ли были те деньги ратникам? Ушел от прямого ответа князь московитов. Крутит, лиса татарская! Теряет терпение и выдержку новгородец. Речет в гнев: «С чего Московия шатрами-то вознеслась, будто Орда каменная построена-нагорожена? Не на слезах ли, не крови ли хоромы ваши, братие? А откуда в Московии иконы святые, владимирские да киевские?» Во, как заговорили смело! Зря он так-то. Ведомо князю московскому: с литовцами, с

папистами проклятыми переговоры ведутся в Новогороде. Князя литовского хотят к себе звать, родниться спешат. Так ничем и не кончили разговора. Не нашел князь Московии никакого резона, чтобы дань собирать с русских земель. Уходя, грохнул дверкой новгородец, грохнул и словами: «Московия – мытарь ордынский!»

Или эхо в теремах такое?

Ушел новгородец, а князь московский думает. Злоба душит князя. Башку разве спесивому отсечь? Освежевать заживо? Умельцы есть, доводилось князюшке трапезовать под вопли обдираемых должников. Из Новгорода вон послов московских пинками выгнали... Нет, мы погодим маленько, пока не надо. Пока. Мы ему, Новгороду спесивому, сперва богатство отсечь должны. Землю вятскую покорить, земли отнять по Каме. Нашелся было и союзничек среди воевод двинских – Анфалом звать. Ушкуйников вятских ватаман. Издавна от Нова-Города желает Вятку отломить. Все земли окрестные в страхе держит. Жукотин на Каме захватили, напали на Нижний Новгород и перебили много татарских и армянских купцов, Кострому да Ярославль пограбили. Уже никто и близко к Вятке не подойдет, к разбойничьему гнезду. Глаза горят у мужика, власти хочет, княжествовать хочет. Хочешь? На! Только ведь не зазря! Ты уведи на Московию следок серебряный – сядешь, где захочешь. Ну, обещать-то ведь можно...

Вроде бы уж вовсе переметнулся Анфал, обещано ему было многое через изветчиков. А ведь не сказал ничего. Да и сгинул вскоре. Серебро – дело не шутейное, видать, свои прознали.

Такое время было – у Москвы, Рязани, Владимира, Новгорода не было ни постоянных союзников, ни верных друзей. Вчера союзничали – сегодня с вчерашним другом бьемся. Позвать князя-соседа на дружескую пирушку и голову отсечь – это тоже запросто. Но Новгород – дело особое. Богат Новгород неисчислимо, многолюден и силен. Неизвестно даже, где кончается земля его, потому что и конца у нее нет. Далеко к Каменному поясу и за Каменный пояс ходят торговцы новгородские. И везут, и везут меха – рухлядь мягкую, серебро. Как они серебро-то там находят?

Дерево какое-то отыскиали, на сосну похожее, но на зиму иголки роняет, будто береза листья. В воде то дерево тонет, а не гниет. И купцы венецейские золотом за это дерево платят. А зачем новгородцы в глухих вятских лесах городок Хлынов поставили? И чем тот городок богатеет? И почему городок этот перемские лесные люди ни разу не обидели? А московские отряды на дальних подступах разбиты были, да перемерзли дорогой.

Поэтому московский князь и посылает Эльдэнэ в Пермь Великую, окраину Новгорода. С чего бы югра и пермь дают новгородцам серебро? Да немало дают! От любой напасти Новгород им откупается, с купцами ганзейскими торг ведет на серебряные слитки, свою монету чеканит. Как же это все делается-то?! Вот поэтому князя и взволновало: уж не обидят ли новгородские ушкуйники югру и пермь? И очень огорчило, что ушкуйники – очень плохие парни и обижают всех.

– Не дело это. Престол православный у нас, в Москве. Надо нам блюсти древнее благочестие, надо пермскую землю защитить от этой заразы новгородской, от ушкуйников, разбоя и беспорядка.

– Стоит ли, княже, зубами держаться за кусок, который в горло не лезет? – вырвалась у Эльдэнэ тайная мысль. Бороденка князя задралась, глаза выкатились в гнев. Эльдэнэ замолчал. Он знал, что покорять эти громадные холодные земли никаких сил у Московии нет. Но он не мог знать, что пятьсот лет Москва будет пытаться уничтожить славу ненавистного северного соседа, стереть саму память о нем. Позднее историки скажут, что ненависть Москвы к Новгороду была иррациональной, то есть разумному объяснению не поддающейся.

Князь же, остыв, ведет разговор дальше.

– А обиженные есть среди перми?

– Как не быть обиженным, князь, если есть богатство?

– Ищи обиженных. Подними их, оборужи, усиль. Пусть пока молятся своим богам. Надо уважать и чужую веру, раз это обычай народа. Крест и благодать истинную мы им принесем. Как время настанет. Не нужна ли им охрана? Защиты не просят? Отряд я замыслил туда послать. У Тимофея Пестрого сын Василей пойдет. Вызвать надобно, чем новгородцы прельщают вогулов, как серебро берут. Немирной народец-то, шибко хитростливый.

Задумался князь, похаживая. Рука с тяжелыми перстнями легла на небольшую золоченую клетку со зверьком заморским. Зверь шипел и зубы скалил, норовил царапнуть. Князь хлопнул в ладоши. Зашел слуга, держа за хвост серую мышку, та издавала обреченный писк. Мышку опустили сквозь прутья клетки, и зверек ловко словил ее мягкой лапкой, в которой обнаружились немаленькие острые когти. Зверька привезли восточные купцы. Серебром заплатил князь за такое чудо невиданное, полгривны дал (100 граммов серебра). Кот называется. Девкам велено было по чуланам ловить мышей для прокорма заморского чуда. В Московии разрешено такого диковинного зверя держать только по княжьему разрешению, чтобы всякий простолюдин не равнялся бы с верхними мужами.

Да, так значит, вогулы... Но князюшкина голова не про вогулов болит. Знамо дело, не дети малые в лесах живут, народ лихой. И кабы не нужды собственные, никакого дела бы до них не было, живи оне! Так ведь нужда припирает, надо на что-то казну опереть, войско содержать, людишек кормить княжеских. Таки не на что! Поэтому он ставит вопрос резко:

– Почему из Новгорода люди в эти леса за серебром ходят, как будто по грибы?

Почему-почему... Пока что – покотому, и больше нипочему. Собственный лазутчик Эльдэнэ пробрался даже в охрану одного купца новгородского. И?.. Да ничего, собственно, и не узнал. Ехали от Устюга в начале зимы. Как река стала, так и пошли. Саный поезд, никакого товара в санях, только мужики в тулупах до пят, и все.

В охране обоза он был, овес да сено лошадям тащили с собой в зимний поход за серебром. За большие деньги пришлось то место покупать. И то страху натерпелся. Шли, мол, от самого города одне и те же. Гусем сани-те шли, понял? Одне за однем. Главными были два мужика громадного росту, вовсе отдельно от всех ехали в санях. Не спали, почитай. Сперва по речке, потом лесной дорогой. По обеим сторонам сосны да елки высоты громадной и толщины в несколько обхватов. Будто по леву руку гора и по праву – тоже гора. Небо сверху токо, как голову запрокинешь. И до того густа чаща, что, казалось, и руки туда не можно сунуть. Виднеются стволы древес поваленные, одно на другом. В иных местах глубоко в снегу шла дорога, как ровно ручьем проложена. Снег тамока глубок необычайно, случалось, лошади грузли до того, что одна токо голова виднелася. По следу гнали распряженных коней, чтобы их менять. Лошадка – не человек, не вынесет. Дак и распряженные кони, ровно зайцы, иной раз в снегу-то прыгали. Ну, как опять на реку вышли, тамока гладко. Под лед не уйдешь, дак пройдешь. Тамока мы повеселяя пошли.

– Чё у их с лесными было – то я только издаля видал. Ете два мужика с саней сходили и шли в землянку. Недолго там побыв, шли обратно, а уж за имя лесные тащили мешки с чем-то. Тяжелые. Ете мешки тут же завязывали натуго, замыкали замком деревянным с веревкой, знашь? Чё тамока, в мешках было – не вем. Один мужик, из громадных, печатку тискал. И дальше покатили. Как ветер, слушай, летели. Коней жалели, а ни себя, ни нас не жалели. Три землянки – и завернули обратно. В земле вятской коней сменили, нас оставили, взяли другую охрану и полетели дальше. А мы спать завалилися. Силов никаких не было. Мужик из охраны мне сказывал: уши, мол, заткни и глаза завесь. Если чё, в прорубь под лед засунут. И чё-то таково мне страшно было, что и не высказать. Не пойду боле.

Лазутчик этот сходил только один раз. Вдругорядь, с большими уговорами посланный, ушел и не вернулся. То ли сбежал, то ли сгинул где-то. Может, заподозревали в чем-то, да и засунули под лед или продали в рабство в Казань.

Что везли и куда – неведомо. Если в мешках земля серебряная – то маловато будет мешков, если серебро – то где и каким способом добыто? Этого Эльдэнэ не понял. Поэтому ничего и не сказал. Зачем про то князю знать, что самому Эльдэнэ непонятно?

Пера-маа

Неблизкий путь до Перми Великой. Там, где сейчас поставлены города и живут люди, высился тогда, в двенадцатом-четырнадцатом веке, непроходимый лес – парма. Обширный край – Пермь Великая. Это не государственное название, а, скорее, географическое понятие. Откуда такое название произошло, точно неизвестно. Может статься, из говора каких-то лесных людей, обозначавших словом «пера-маа» нечто очень далекое, лежащее где-то там, неизвестно где.

...И шел и ехал Эльдэнэ с отрядом через Устюг, потом Весляной до Камы, потом волок до речки Колвы, где стоит посад князей новгородских великопермских Искор-городок. Есть чему подивиться, ничего не скажешь. Стоит Искор в глухих лесах на высоком холме, детинец поставлен. Не московское богатство, конечно, дома все деревянные, рублены «в лапу», крыты тесом топорным. Да уж больно ладно сложены, узорочьем деревянным украшены, церкви бревенчатые, крыты лемехом. И все мастер ладил, нигде-то нигде промашки не дал. Радует глаз на Искор-городок. И земли вокруг изобихожены. Плотины насыпаны, на прудах гуси. Иулий месяц стоит, а у них уж жито готово под серп. Это их была придумка, новгородцев – озимое жито. Никто еще так-то не умел. Ячмень да овес только сеяли. А озимые не толковали.

Хоть и без большой радости встретили гостя из Московии, а накормили и в баню сводили, как положено. Угощение, конечно, не то, что на пирах князей московских. Но такого хлеба и бражки такой нигде не отведаешь. Никто не умел печь столь мягкий, пышный хлеб.

А разговор с новгородцами не порадовал. Да и не ждал тут ничего Эльдэнэ. Не первый раз он видит русов. Слов нет, богаты новгородцы, умелые, как никто. Вон дома какие, какая рожь, сколь овечек в загонах, какой лен стоит. Торговать мастера. И соль разведать толкуют, и железо, серебро. А поговоришь с русом – будто столб перед тобой, вкопанный в землю на дюжину локтей. Не то что не сдвинешь – не пошевелишь. И сейчас глядят новгородцы спокойно и спесиво. Они всем показали, как можно жить хорошо и богато, всех купили. Чего еще надо? Татарин ежели подопрет, войско наймем. К их умениям, да богатству – ну, хоть сколь-то бы гибкости. Сами не толкуют, так Эльдэнэ наняли бы. Только намекнул, мол, не все в Московии хотят покорения Новгорода. Есть там некоторые... обмануть можно москвитов-то. И услышал... сказку вот такую:

– Жили тут-ока в одной деревне пятеро братьев и ихна сестра. Ну, братовья – мужики богаты, усадбы у всех хороши, да и сами – хоть куда: и ростом удались, и мастеровиты, толкуют во всем. Кто хозяйство большое держит, кто торговлю развел, кто опять образа писать наловчился. А сестрица – ни то, ни сё. Сама горбатенька, личиком страшненька и по хозяйству – ничё ни к чему. Дом-от и то на болоте поставила. Разе тол ковой-от человек дом на болоте строит?! И взяла ее черная зависть. Пошто у братовьев дома богаты, пошто свадьбы по седмице гуляют, пошто гостей полон двор, а ко мне никто не едет?! Точит ее зависть, точит. Пить-исть не может сестрица, думает, как бы ей над богатой родней возвысится. И нашелся злой разбойник, проторил к ей дорожку. Ты, мол, помоги мне братьев одолеть, уж я тебя не обижу. Ты к им хаживашь, запоры знашь, отвори задние ворота, а мы свое дело сделаем. Братья-те хоть и не дураки, ворота поло не дряживали, ну дак наверняка только обухом бьют, да и то промашка бывает. Ухватила сестричка минуточку, разбойников-то и провела. Всех братьев поразорила горбунья. Хоромы бело каменные стали над болотиной. Все богатство туда от родни свезла. Кто чё поперек сделает – разбойник тут-ока как был. Ох, уж она приём над братьями, чё хотела, то и творила. Велела себе в землю кланяться, а сама сапожок на голову ставила. И каблучком-то

вот едак, вот едак. Вовсё в говно мужиков растерла. Разбойник уж давно конец себе нашел, а сестрица все так же над братьями изгалялася. Так, сказывали, и живут по сю пору.

– Ну, да, – терпеливо ведет разговор Эльдэнэ, – Московия поднялась на сборе ордынской дани. Ханам Москва обязана своим величием. На той силе стала, стоит и будет долго стоять. А какое государство стоит на ином?! Не вы ли силой дань с югры серебром берете? Ну, приспособьтесь вы маленько! Али предпочитаете голову потерять?

– Мы не силой дань с югры берем. И силой к кресту не ведем.

Вот и весь разговор. Собеседник надменно выпрямился, между бровей легли две грозные складки. Словом, изобразилась перед Эльдэнэ картина неведомого ему художника будущих времен: Александр Святославич Невский – «Иду на вы!» Нет, Эльдэнэ им не нужен. На его узкоглазую физиономию им глядеть не охота. И думать нечего вызнать что-то про серебро.

Собеседник Эльдэнэ развернулся круто, не зная, на чём злость сорвать. Под ногу подвернулся... ну, да, тот же самый зверек, какого Эльдэнэ видел в клетке у князя. Новгородец взревел:

– Маланья!! Опять у тебя кошка в избе! Ее дело – мышей по амбарам ловить, а не возле печки греться!

Схватил диковинного зверя за загривок и выкинул в дверь. Кош скалил зубы и шипел.

И от новгородцев уходя, шипел Эльдэнэ, как тот рассерженный кош, и плевался на все стороны. Ясно одно: никаких громадных складов для товаров не видать. Не виден вообще никакой товар. Между тем Новгород только что откупился от ливонцев. Дал много пудов серебра. Полгода собирали откуп. Но собрали ведь! И не где-то, а здесь. И живут спокойно, лесных людей не боясь. Не силой берут. Чем?!

Вот он уже в деревне крещеных вогулов. Московиты их пытались обратить в православие, учили: живите, мол, своими деревнями. Мало что получалось. Дома у вогулов поставлены неумело, кривые и косые, иные падают совсем. На что вогулу деревня?! Но иным и нравится. Нравится им и новая жизнь, и новые дома, и новая одежда. На лошадях ездят, даже если из одного конца деревни в другой. Слушают уж не завывание шамана, а гусли, колокольчики и девок-песельниц. В баню ходят. Толкуют в новом плохо, даже на лавках сидеть не умеют – часто падают на пол, печки у них дымат, да и дома горят иной раз. В избе вогула дымно, пол грязный, мыть его еще не научились. Но Эльдэнэ деваться некуда, если где-то искать опору, то в этих, перекрещенных и опоры не имеющих.

– Моя – Микаила, – представился хозяин. – Поняла? Микаила.

От угощенья Эльдэнэ отказался. Такая тут грязь, вон помет мышиный в хлебе. У хозяина морда сажей вымазана, половина морды заплыла багрово.

– Моя в бане мылася, накуй обварилася. Укват знашь, укват? Во, я за укват укватилая, а она накуй обломила, обварила я накуй, – было дано пояснение. – Никуя, пройдет накуй.

Потчевал радушный хозяин настойчиво. Подан корявый рыбный пирог, корка – как подошва, и рыба внутри прямо как есть, с кишками и головой. А вот еще новинка:

– Э, крен тебе нада? Во, глянь, крен называется. Русы дают. Я у русов клбнул, думал сдокну накуй. Никуя.

А власти уже хочется. Глазки горят, как заговоришь, что князь московский им самостоятельное княжество даст.

– Князя? Я князя буду накуй. Я такая буду князя!

Ни малейшего сомнения – аж зло берет Эльдэнэ.

– Князь, ты еще в носу ковырять не научился, вон сушенки висят!

– Никуя, научюся накуй.

И верно, многому научится «Микаила». Может быть, его сын уже будет толмачом при московском дворе, праправнук поедет в Париж, устрицы станет есть и танцевать на балах. А, может быть, «Микаила» действительно получит из рук московских власть, и надолго: просидят

местные князьки и при князьях, и при царях, и при советской власти, и после нее. Это еще не все. Получив деньги и оружие, может «Микаила» стать безбашенным полевым командиром и не один десяток лет наводить ужас на весь тутошний народ. Он с одинаковым удовольствием будет сжигать заживо шамана в чуме и свежевать православного миссионера. Он понял, что духам предков до него не дотянуться, что деревянные идола – просто пни, а новый Бог – очень далеко. Святотатство, свершившееся на его глазах, лишило основ его душу, и он стал – зверь. Глядя на вымазанную сажей физиономию, решительно невозможно понять, по какой дороге «Микаила» пойдет. Дело случая.

Из дома этого перспективного политического зародыша уходил Эльдэнэ с тяжелым сердцем. Перекупить можно. Сказать с уверенностью, что из этого выйдет – нельзя. А на сей момент ничего у Микаила нет – ни старого, ни нового. И ничего он не может, и не знает – ничего. Он даже слова такого не знает – «серебро».

Прорезная бляха с изображением богини в окружении высоких фигур. VI–VII вв. Найдена в Чердынском районе Пермского края.

Было у Эльдэнэ заветное место в пермских землях ближе к Вятке – маленький лесной народец, забавный и безобидный, «танцующие», так он их называл для себя. Все друг другу сказывали танцем или песнями. Каждый вечер собирались и долго «болтали», изъясняя, кто где был и что видел. Проплывали в танце лосихи с лосятами, прыгал заяц, вертел головой филин. Если девушка увлеченно рассказывала про медведицу с медвежонком, как он балуется, а она его шлепает, она и впрямь могла это видеть. Но она могла приметить пень, похожий на

медвежонка, а все остальное уже было чистой воды фантазией. И где правда, где вымысел – не понять. Сами танцующие их не различали и различать не собирались.

Иногда танец заканчивался потасовкой. Долго визжали, толкали друг друга и скалили зубы. Но после даже и царапины ни на ком не было. В убогих хижинах то и дело попадались диковинного вида маленькие костяные и бронзовые фигурки, какие-то пояса, шарики, назначения которых никто не помнил. Видно, раньше знавало это племя другие времена. Может быть, остаток большого народа скитался по перми, не помня прошлого и не глядя в будущее?

Они умело рыбачили, ставя зимой и летом ловушки, сплетенные из ивняка. Изредка охотились на лося, ловили силками птицу и довольно легко добывали себе скромное пропитание. У них не было никаких богатств, они не зарились на охотничьи угодья и не торговали пушниной. До них никому не было дела: ни вогулам, ни новгородцам, ни москвитам. Часто они кочевали не в поисках еды, а в поисках невест. Своим танцем каждый рассказывал Эльдэнэ, какую он хочет невесту. С горестными подвываниями поведали легенду про то, как парень их рода захотел в жены девушку русов. Это был такой замечательный парень, девушка русов обязательно согласилась бы! Он надел лучшие шкуры, на голову нацепил волчьи уши, будто он из рода волка.

И когда девушка русов пошла собирать ягоды в лес, стал танцевать ей про свои чувства. Он рассказывал, какой он храбрый, как он поразит всякого, кто посмеет на нее поглядеть. Какую замечательную добычу он принесет в их свадебное логово под корнями ели. Но большой рус длинным копьём проткнул парня. Горестно поникли руки танцующих. «Мы всегда танцевали русам интерес и симпатию, а сейчас будем танцевать злость и угрозу». Таков был вывод.

Русам-то, думал Эльдэнэ, все едино: что от них симпатия, что угроза. Девки и бабы, завидев, визжат и мчатся домой, мужик порезвее пришибет, хоть ты ему что танцуй. Не просите у русов девушку, им самим не хватает девушек, очень далеко стойбище русов. Примерно так изобразил Эльдэнэ свои мысли. И был понят, и даже с благодарностью. Да, у русов девушек мало. Действительно, стойбище их далеко, где девушек взять? Хорошо, мы и впредь будем танцевать русам интерес и симпатию, а танцевать угрозу не станем. Не сказал им Эльдэнэ, что для русов с высоты их умений и богатства все они – лесная нечисть, и только.

Пока за разговорами сидели, мужичок из рода танцующих самого невзрачного вида сходил на старицу, достал из воды плетеную ловушку и вместе с братом своим притащил куль пойманной рыбы. Для лесного человека это – ну, что для бабы деревенской в огород за морковкой сходить. Но! Воротясь с реки, лесной мужичок разворачивает перед собратями рассказ о своем походе, полном опасностей, приключений и подвигов.

Как он собирался за рыбой, а духи предков его отговаривали: «Ой, не ходи, пропадешь!» А он им: «Нет, пойду я, все мои родственники кушать хотят свежей рыбы». И как он пришел на старицу, а девка водяная из реки его стала звать: «Пойдем ко мне, мужем моим станешь, много рыбы будет у тебя». И он совсем было согласился жениться на водяной девке, но дух предков высунулся из-за елки и сказал: «Ой, не ходи к водяной девке, она тебя утопит». Тогда он послушался и не пошел. Только морт (ловушку) достал, взял рыбу и пошел домой.

Тогда взялась соблазнять его лесная девка. То зазывно пройдет, как лосиха осенняя, то на мху валяется, будто медведица, ждущая медведя. И опять дрогнул было мужичок, хотел ее в жены взять. Но дух предков из-за елки сказал: «Ой, не ходи, там капкан в ей, в лесной девке. Возьмешь в жены, как только станешь ей мужем, тебя капкан ейный и словит!» Послушался мужичок и домой пришел.

Сидевшие вокруг костра переводили дыхание, качали головами в изумлении. Едва ли не больше всех удивлялся тот, кто помогал повествователю куль с рыбой тащить. Он даже пальцем показывал на те елки, из-за которых раздавался спасительный голос предка. Тот мужичок-рассказчик, кстати, хоть и не превосходил прочих ни ростом, ни умениями, имел двух жен и почитался за выдающегося охотника и рыбака.

Эльдэнэ уже давно приметил: среди лесных людей безруких-то нет. Стрелять из лука белке в глаз умеет всякий чуть не с рождения. Рыбу тоже все до единого ловят мастерски. За богатыря, мастера и великого умельца почитают того, кто больше и убедительнее прочих умеет насочинять про свои подвиги. Поэтому всяческие рассказы в словах, песнях и плясках лесные люди плетут по любому поводу, не сходя с места и каждый день не поодинова. Кто сам придумывает, кто-то учится только, пересказывая слышанное. Эльдэнэ и не предполагал, что ему вскоре придется искать зерно реальности в этих неописуемых горах придумок и фантазий.

Кудым-ош

Одно лето был Эльдэнэ у пермяков. Это племя обитало по Каме-реке. Непохожее на других лесных людей племя. В избах живут, молятся Кудэ-водэжу. Кто такой? Расскажут охотно. Почитают, хоть и жил Кудэ-водэж много-много зим и лет тому назад. Ну, послушал Эльдэнэ про то, что Кудэ-водэж был, естественно, сыном медведя, ростом выше елки. Богатырским топором срубал самую толстую березу. Топору богатыря они молятся до сих пор. И что сама лесная девка ему в жены набивалась. И рогатая щука с ним беседы вела, потому был он самым мудрым. И еще много чего было рассказано с большим почтением. У Эльдэнэ, наловчившегося соотносить рассказы лесных людей с тем, что было, сложилась примерно такая история...

Он был сыном пермячки и новгородского торговца-ушкуйника. Он родился и жил в новгородском посаде, но всегда знал, что его путь – в далекие перемские леса, к лесным пермяцким людям. Мать песни пела, бормотала на пермяцком языке про то, как он вырастет – пойдет с лихими ребятами-ушкуйниками караваны лиственницы по Колве и Каме спускать. Отец не баловал, школил жестко, как выжить в безмолвной парме, как развести костер, найти еду, уклониться от стрел и секир.

На Пермь шли плотами, речной дорогой. С собой тащили зерно, орудия крестьянские, чтобы обжить небольшое место. Отец продал лавку в Новгороде, истратил все свои сбережения, замыслив поставить факторию в Перми. Вооружить и сделать сильным одно племя – пусть оно захватит места и дает хорошую дань пушниной. Чем плохо? А сын сядет князем. Язык знает. Захватим соляные источники. Зачем тащить издалека войско для охраны, пусть воюют местные.

Все обстроили возле самого бедного племени, выжитого вогуличами на болота. Сильное-то племя не покорить. А эти век будут помнить, что завоеванное стоит на чужих мечах.

Оставив сына, отец сотоварищи отбыл по торговым делам. А, вернувшись через год, удивительные зрит вещи.

На взгорке посреди пармы стоит... деревня. Домишки косые-кривые, неумелыми руками поставлены.

– Ты что делаешь, Кудим? Ты выводил их из леса? Чтобы они вот так ковыряли землю? Такие корявые строили дома? Чтобы охотиться перестали? За каким чертом мне такие лесные люди? Пусть вооружаются железными стрелами и воюют, вот что мне надо. Я затратил все свои деньги, все сбережения вложил, я жизнь в тебя вложил. Зачем ты наделал сохи, когда надо было делать мечи и стрелы? Торговать будешь? Чем? Кому они нужны со своих болот? Они ничего не умеют, ничего.

– Я тутюка с князем вогуличей договора иметь скоро буду. Посылал своих в ихние места, оне одного мужичка из вогуличей словили, привели. Я велел не обижать. Сколь-то сидел на цепи, потом ничё, обик. Я у его говор вогульский выучил. Посылаю его, иди мол, теперя обратно к своим. А он не идет, боится. Я, мол, раз к вам попал, значит, вы меня убили. Я теперя для своих мертвой. Как приду – испугаются и убьют. Так и живет теперя. Ко князю вогульскому Йибы-ойка я пошел, дак его с собой брал. Толмачом. Сам будто ничё не петрю.

Дак он, толмач-то, себе на морду лист берестяной с дырками надел, а то, говорит, убьют, точно, и тебя убьют, и меня.

– Кудим, ты забыл рази, о чем мы с тобой в Нова Городе толковали?

– Не, ты слушай, что дальше было. А Йибы-ойка, князь вогульской, силен! Столь у его охраны, войска шибко много, я тайком на палке зарубки оставил, сколь у его лучников и мужиков с секирами. Я у толмача вызнал, как мне Йибы-ойка показать, что он тутoka главной. Тот и показал: вот едак вот башку, мол, изогни, он и поймет. Оне как от волков сыновья. Изогнул я башку, не переломился. Ну, он так понял, что я у его буду как меньшей князь. Так я и не рыпался. Мне чё и надобно. Поделили земли, чтобы он не лез ко мне. Я, смирёный такой, согласился на Темное болото, на верховой лес по Сылве, на то, чё имя, вогуличам, не надобно. Чтобы не зарились и не воевали с нами. По речке бы пропускали за малую деньгу. Я замыслил в низовьях торговать. Золотом платят купцы венецейские. Будет, чем жить, разбогатеет, не надобно будет воевати-то!

– Что ты отдал? Самые охотные угодься? Да на кой нам така болячка, скажи?! Забрал рухляди, загрузился солью – вези все до Нова Города. Какие заботы, всегда продашь с прибытком. Оборужи, обучи лесных, все земли окрест твои будут. В уме ли ты, Кудимушко?! Кудя, опамятуйся. Я добром тебя прошу покуда.

– Душа не лежит воевать, тятя. Оне тамока живут, вогуличи-те, а мы тутoka. Оне охотничают, а мы железо ладим. Оне так живут – мы едак. Об чем нам воевать? Из болота я маленько умею железо делать, уже пробовал. Можно. Сошник я выковал, тятя. Вот пахать скоро стану. Я у их как главной теперя, власть имеющий, не позволяю воевать-то. Оне тутoka обыкли заживо головы обдирать, с волосами вместе, да вшей жрать. Боле такого не будет. Я имя показал, как хлеб-от есть, в тесто мясо заворачиваю, чтобы имя привычным пахло. Оне называют «пельнянь», едят!

– Что железо вызнал, за то хвалю. Из железа стрелы востры и секиры хорошие. Я ноне оправдался маленько. Соболя взял, самолучший товар. Ладно, Кудя, ты помысли еще, покуда мы с ребятами до вогулов сбегам. Есть дело одно. А что есть договор у тебя с князем вогуличей, дак это хорошо. Не боится. Твои врасплох придут, так даже и лучше. И чтобы к следующему лету ты сидел над князем вогульским и брал с него дань. Не сядешь ты – сядет другой.

Отец не вернулся. Всего один из его дружины назад воротился, в рваной одежде, изъеденный лесным гнусом. Еле в себя пришел, давай звать Кудима обратно, в те места, где страшной смертью полегли его товарищи.

– У их, тамока, Кудя, народ-от лиственницу шибко при знает. Возле лиственницы игрища свои творят, зверя в подаренье ей притаскивают. Оне каждую весну сободем откупались, чтобы мы ихну лиственницу не трогали. Наши ране-то много тутoka лиственницы-то порубили, дак имя, вогулам-то, токо топор теперя покажи – боятся. И ноне мы пришли – все ладом было. А я возьми да порушь ихной алтарь. Ну, вроде избенки малой, на тычках ставят, с ихными пнями резными. Дак ровно сундук открыл, таково там всякого добра наложено. Блюда, кувшины – богатство, Кудя! Серебро!

– Где богатство-то?

– Дак побили нас, всех побили. У кого топоры за поясами были. Чё имя, вогулам, имя в лесу везде дорога. Я и сам не ведаю, как уцелел. И чё творили, чё творили! Башки мужикам ободрали, на куски разрубили, возле той лиственницы сложили. И скакать давай, и горланить. И в те блюда колотят.

– Обратно-то зачем зовешь?

– Дак за богатством, Кудя! Я энтих ихных избушек навидался, их по лесам полно. Эх, кабы знато было, что у их тамока богатство! Давай наберем ребятушек, избушки зорить, серебро собирать.

– Зло сеете, зло и пожнете. Иди куда хошь, я тебе не помощник. Моих зорить станёшь, дак я и тебе велю башку снести!

...Нет больше отца у Кудима. Теперь он сын медведя.

Забирает ценности серебряные в избушке у местного идола. Закапывает. Чтобы не зарился никто. Сватается к вогульской царевне, дочери Йибы-ойка.

Ведет с собой толмача. Толмач страшно трусит и пытается отговорить Кудима от затеи сватовства.

– Если хочешь, власть имеющий, я тебе лучше скажу жену. Тебе как без жены? Никак. Начто тебе эта девка у Йибы-ойка? Я тебе один большой секрет вогульский скажу. Хорошую жену будешь иметь. В лесу за святилищем живет лесная девка Мис-нэ. О-очинь красивая девка. Сама во всем белом ходит, а на ленте серебряной у нее соболек черный. Какой парень женится на ней, всегда богатый будет. Я только тебе скажу, как жениться. Она когда тебя к себе уведет, спать пора станет, девка скажет: «Мою шубу постели». Ты так не делай, у ей в шубе капкан-ловушка. Ляжешь – она тебя и убьет. Надо шубу ее поднять. А там капкан. Ты ее и спроси: «Зачем лукавишь? Я, мол, тебя замуж беру, а ты меня убить хочешь». Она скажет: «Да я посмеялась». Постелешь шубу, и весь век богато жить будешь. Она будет зверя промыслять, ты только пушнину таскай-продавай-меняй. Понял? Это я тебе, что не убил меня, потому рассказал. Не пойдем к Йибы-ойка, давай девку лесную, Мисс-нэ искать станем.

Соблазнял его толмач и лесной девкой, и водяной. Такому ли богатырю, как власть имеющий, об невесте задумываться. Можно даже враз на двоих девках жениться, и на лесной, и на водяной. Одна зимой охотничает, другая летом рыбу ловит. Чем плохо? Незачем, ох, незачем к Йибы-ойка тащиться.

Но власть имеющий настроен решительно. Ну, что ж, дело его. Имеет в колчане железные стрелы, а шею перед Йибы-ойка гнет, как слабый волк. Зачем?! Не понять толмачу.

Девка как девка, узкоглазая, широкомордая, румяная. Одета богато, спесива. Но парень привез отцу ее столь богато серебра, что царевну отдали. Да и собой статен был богатырь. Вопрос: мог ли он ей понравиться? Легенда свидетельствует, что понравился.

Кудим уходит в первый сплав с товаром. Возвращается пешим ходом, тайно. Под одеждой весь обвешан драгоценными тканями для жены.

Видит, у старого идола накровавлено, валяется чье-то истерзанное тело, с башки снят скальп. Неужто супругу его так? Рванулся домой. В руке топор.

– Зарублю!!

Рядом бежит перепуганный соплеменник и быстро-быстро оправдывается:

– Это Йибы-ойка ей намерен подарком послал, пленника жирного, она это сама его топориком зарезала, кровь пила и радужную кожу снимала. Это не мы, не мы...

Жена его сидит возле избы на мехах, вся в меха же разодетая. В руках держит окровавленный кусок кожи с волосами, выбирает оттуда кровавыми пальцами вшей и с наслаждением ест. Даже не сразу заметила мужа и не успела подняться ему навстречу.

Топор, опущенный могучей рукой, кровь, ужас...

Бросил топор, ушел в парму, долго сидел над рекой. Лесные люди никогда не подходили к нему во время таких размышлений.

Ты проиграл, Кудим? Йибы-ойка придет с отрядом и отомстит за дочь. Племя разбежится по лесам и вернется к прежней дикой жизни. Они забудут сына медведя, забудут слова сына медведя. Но слова бога они забыть не должны. Призвал лесных людей, велел вырыть землянку в лесу, на крышу навалить землю, внутри поставить подпорку. Собрал сын медведя своих поданных.

– Я вместе с супругой ухажу к своему отцу-медведю. Стар стал отец, призывает меня, чтобы передать нам знак силы над всеми лесными людьми. Так и скажите Йибы-ойка, когда он придет. Там, в стране медведя, река Уньва течет медленно, пока она шевельнет одной волной,

здесь речка не одинова покроется льдом. И я вернусь не скоро. Но когда я вернусь, наша речка потечет обратно, и все вы станете ходить спиной, и все проделаете, что вы делали без меня. Если я увижу, что кто-то ведет войну, приносит жертвы и снимает кожу с головы, я превращу его в червя земляного и медленно раздавлю ногой. Делайте все, как я научил. Пашите землю, стройте дома, делайте железо и варите соль. Долбите лодки и возите товары. Будьте расчетливы, всегда делайте зарубки на палочках. Я, сын мед веда, ухажу и вернусь вашим богом.

Спустился в землянку. Могучей рукой вышиб подпорку и стал богом лесных людей. Теперь он – Кудэ-водэж. Может быть, его племя погибло от рук воинов Йибы-Ойка, может, вымерло в неурожайный год. Но очень даже может быть, в какое-то лето прибрело в Пермь Великую семейство новгородское, поселилось возле и было доброжелательно принято. И другие подходить стали, селиться. Без вражды стали жить возле чудской ямы на горе, поддержкой стали друг другу. А пельменями, которые научил их делать Кудим, накормили всю Россию. Это, очень даже может, так и было.

...Топор Кудима станет священным. На ночь его веками будут втыкать в порог, веря, что это самая надежная защита, как от недоброго человека, так и от всякой лесной и болотной нечисти. Благодарная память о Кудиме жива доселе. Селение Кудима стало городом Кудымкаром. И, мне кажется, что жители его ждут возвращения Кудима до сих пор...

Редчайшая редкость в истории, чтобы не кровавый придурок-диктатор, не одержимый идеей власти покоритель чужих земель и племен остался в человеческой памяти. В памяти этого народа остался носитель добра... Ты был, Кудим, я точно это знаю. Твой народ верит, что ты – будешь...

...Однако ни про какие тайные копи никто из лесных людей легенд не складывал. Если богатства и упоминались, то все в каких-то избушках, оберегаемых вогулами пуще зеницы ока.

Рабство

Разговаривал Эльдэнэ с вогульским шаманом. Семья обедневшая, обессиленная. На городище только две землянки. Даже прислужников нет, более сильные соседи отняли у них все. Зима-другая, и не останется от этого племени никакого следа на земле. Долго сидели. Шаман зол и на русов, и на на московитов, и на вогулов, предавшихся крещению. Его в деревне чуть лошадью не задавили. Лошадь вскачь, сидят на ней два парня молодых, хохочут. Ни страха нет никакого, и внимания на грозного шамана тоже никакого нет. Крещеный вогул не боится шамана, хочет говорить словами и не хочет читать на лице шамана знаков власти. Конечно, крещеный вогул живет богато, но жилище его – из срубленных деревьев, обрезанных и ободранных. Только Ялпус-ойка смеет ломать деревья, но даже в гневе он не снимает кожу с лесных богинь. В доме из дерева у крещеного вогула еще дом – из глины. И в том глиняном доме горит и никогда не гаснет огонь. И всегда в деревянном доме тепло, как летом. И одежда невиданная появилась, из земляных волос свитая, белая, тонкая. Детей нарожали много. Не спросясь Ялпус-ойка родят. И зверя быют, никого не спросясь. Страх берет шамана, что земля людьми переполнится. Не хватит ни зверя, ни птицы. Землю распашут, а куда лесным людям деваться?! Как тогда жить? Шаман растерян и зол.

Давно, еще в беспамятном детстве, его, тогда самого бойкого и здорового мальчика, увели в жилище Ялпус-ойка. Кто-то очень старый посадил его лицом к страшному могучему идолу и бросил на тлеющие в горшке уголья сухой травы. Мальчик очнулся от боли. Болела нога, страшной болью стягивало живот и лицо. Он долго лежал перед ликом Ялпус-ойка, который то виден был, то уплывал во мрак. Идолу оказался угоден его новый служитель, и мальчик выжил. Он останется хромым, чтобы не мог охотиться. У него не будет детей: он станет отцом всему племени. И на лице его, когда оно заживет, навсегда проступит знак власти. Он и племя

станут неразрывным целым: он погибнет без охотников племени, но племя без шамана тоже разбредется и погибнет. Так жили его предки, так жил он. Как жить теперь, он не знает.

– Твой бог знает твой завтрашний день. Бог московитов знает завтрашний день московитов. Пусть боги во всем и разберутся. Зачем вмешиваться в их дела?! – утихомиривает его Эльдэнэ.

Заверяет Эльдэнэ: тот, кто меня послал, позволит тебе и твоему племени жить по вашим обычаям. Только пусть вогулы не дают воинов русам.

Тяжело разговаривать с шаманом. Щурит глаза Эльдэнэ, глядит больше в землю. Сильный шаман, прибьет взглядом, чего доброго, вон озлился как. Заверяет шамана Эльдэнэ: должен я обязательно вернуться к тому, кто меня посылал сюда, и все рассказать. Тогда будет охрана для твоих чумов. Тогда будет спокойствие. А иначе – как узнает тот, кто меня послал, что меня услышали в чумах? Шаман отводит тяжелый взгляд. Не хочет он говорить о русах. А и верно: зачем с московитом говорить о русах?

– Почему вы русам богатство свое даете? Серебро? – все же спрашивает Эльдэнэ.

– Какие русы? Раньше русы священные деревья рубили и уплывали с ними по реке. Они разрушали святилища и забирали священные блюда. Теперь кэмэш серебро берет, кэмэш, огненная сила ветряных духов.

Серебряное блюдо с традиционным рисунком (охота на тура).

И шаман ушел в лесные сказания. Медленно и напевно повествовал он о великих богах лесных людей, творящих небо и землю, тех, что лепят людей из глины и дают им дыхание. О духах реки и леса, о предке своем, которого родила лесная дева, дочь кабанихи и человека. О богатыре, своими руками сгрудившем землю так, что образовался вон тот холм. Пел о покровительнице рода, щуке с рогами, живущей в ближнем омуте возле угора. Пел про кэмэш, огненную силу духов воздуха. Духи воздуха воюют с духами воды. Кэмэш, огненная сила духов ветра, возжигает воду, и вода горит огнем ярким. Страшную силу имеет кэмэш. Огненную силу дает мне кэмэш. О, сила кэмэш, огненная сила духов воздуха!

Шаман пел долго. Это ж не просто лесной человек, у которого от силы две собственных песни и короткая память. Песен у шамана много, он много знает, шаман. Эльдэнэ слушал с величайшим вниманием и про богатыря, и про рогатую щуку, и про горящую воду. Что же еще должен делать человек, желающий понять? Значит, серебро – это какие-то священные блюда? Никаких рудников нет? И это священное серебро русам отдают духи ветра?

Эта встреча была в прошлый приход. В это лето намеревался Эльдэнэ близ шамана прижиться, приподнять захудавшее племя, прикупить воинов, отбить маленько серебра, занять небольшое местечко у воды. И изготовиться это серебро продать русам. И поглядеть, что это за ветряной дух кэмэш берет серебро. Вот такие были планы. Эльдэнэ создал несколько схронок с саблями и пиками, наконечниками стрел, железными панцирями и прочим товаром. А каково все это тащить по лесам и болотам?!

...И вот, наконец, крутой обрывистый берег таежной реки... За рекой в заливной пойме яркой зеленью раскинулся луг. На кромке обрыва чернеет исхлестанное дождями и ветром мертвое дерево с подмытыми корнями. Чуть дальше протока глубоко раскромсала податливую землю. Ее русло извивается и постепенно теряется среди обширного лесного болота. Уже близок конец короткого здесь лета. Болото усыпано ягодами, начавшими краснеть. У начала протоки расположено селение Варым-пауль, то есть «деревня – один дом», одно семейство, иначе говоря. Такие деревни, раскиданные по тайге, бескрайней парме, составляли способ жизни всех лесных людей.

На городище жуткая картина только что случившегося побоища. Возле своей хижины лежит залитый кровью человек с огненно-красной головой – шаман. С головы шамана снята кожа вместе с волосами, его кольнули копьем и оставили умирать. Вся небольшая площадка городища усыпана кусками человеческих тел. Так всегда поступали лесные люди, они разрубали мертвых и полуживых, разбрасывая куски. И гордились потом, и рассказывали, что богатырь смог усыпать телами мужчин и женщин такую поляну, что и глазом не окинуть.

Приди он, Эльдэнэ, хоть на день раньше, тоже тут остался бы. Возле своей хижины лежит залитый кровью шаман. Куски человеческих тел, вонь, тучи гнуса.

Приглядевшись, Эльдэнэ приметил, что убито не все племя. Человека три растерзано. Да, пожалуй, не больше. Ну, в лесу так: всегда будь настороже. Видимо, напали на рассвете, на спящих. Так ты не спи! Караул поставь. Виноватых искать нечего: сами и виноваты. Вопрос в другом: зачем нападали? Серебро давно отобрано, земли незавидные. Собственно, вопроса тоже нет. Большая часть племени схвачена и будет принесена в жертву. Видимо, готовится какое-то важное погребение.

Эльдэнэ стащил с шамана заскорузлую от крови одежду, надел, измазал окровавленными руками свое лицо. Его путь – вслед за пленными. К вогулам. Больше делать нечего. Идти по кровавому следу пришлось недалеко. На вершине холма толпились люди, дымился костер. Холм этот – старинное и почетное погребальное место. У вогулов явно шли какие-то приготовления. Солнце клонилось к вершинам деревьев. Дело шло к осени, и темнело быстро. Эльдэнэ рассчитывал, что вогулы будут заняты погребением, и он сможет подойти поближе. Скорее всего, охранение будет поставлено только на вершине холма. Кроме того, вогулы знали всех, кто живет в округе. Пока им нечего было опасаться.

Эльдэнэ забрался на толстую сучковатую сосну, с которой видно было и вершину холма, и всех действующих лиц. Посреди поляны уже вырыта широкая плоская погребальная яма, в ней установлен небольшой сруб. На одном конце поляны стоял походный чум, на другом толпились вогульские воины числом до двух-трех десятков. Возле одинокой тонкой сосны сидели кучкой пленные. Сразу было видно, что они пленные. Хотя не связаны, но оружия нет, да и осанка самая жалкая. На них никто не обращал особого внимания, не стерег. Более того, Эльдэнэ увидел, что из леса один за другим выходят их соплеменники и присаживаются к пленным. А куда им деваться? В лесу один человек – никто. Если семья разорена, шаман убит, ковер священный порван, никуда не деться лесным людям. Только и остается – идти в плен, в рабы.

Солнце село, и костер на поляне вспыхнул ярче. Из чума вышел вогул, одетый в металлическую кольчугу. На голове красовался трехрогий шлем. Блики костра играли на металлических пластинках, на рогах, венчающих шлем. Вдох всеобщего восхищения пронесся по поляне – так прекрасен был богатырь в глазах соплеменников. Богатырь повернулся к шедшему сзади шаману. Видна стала длинная коса – главное украшение настоящего лесного мужчины. Легче богатырю с головой расстаться, чем с косой. Косатый взял из рук шамана плетеное корытце и спустился в яму. Корытце он поставил в сруб и вышел наверх. Стало ясно, что хоронят ребенка, сына этого богатыря. Может, ребенок сам умер, может, родился хилым и его придушил шаман. Никто из родни не плакал, не рыдал. А какое огорчение может быть? Ребенок ушел к предкам, его следовало хорошо проводить. В спутники умершему и предназначались пленники. И те не выказывали страха. Может, они даже думали, что им повезло. Конечно, попали в такое богатое погребение, вот-вот уйдут в замечательную страну предков, где сытая и спокойная жизнь, которая не кончается никогда.

Косатый жестом приказал двум пленникам встать на колени и резкими ударами боевого топорика прикончил обоих. Воины стащили тела в яму и уложили с двух сторон сруба, вложив в руку каждого боевой лук. Это охрана.

Богатырь вновь жестом приказывает подвести пленных. Тела под сосной смешались в один клубок. Попасть к предкам в таком роскошном погребении хотел каждый. Воины отобрали пятерых и подвели к богатырю. Становят на колени. К ним от сосны, растолкав соплеменников, выскочил еще один пленный. Он очень хочет прямо сейчас попасть к предкам. Ему уже немало лет. Он опасается, что его просто вышвырнут обратно в лес, и ни на какое погребение он не попадет, а будет душа его вечно скитаться по лесным чащам. Воины пинками отгоняют его обратно.

Эльдэнэ понял, что его жизнь тут особо никому не нужна. Попасть в такую замечательную яму и без него полно желающих. С другой стороны, на сосне его могли заметить и, как все непонятное, без долгих раздумий пронзить стрелой насквозь. Поэтому он сполз с сосны и пристроился в задних рядах пленных.

Тени, блики метались по мертвым и живым. Пятерых или шестерых ждала такая же мгновенная смерть, но затем тела их расчленили и останками изладили в яме что-то вроде забора. Оставшиеся в живых с сожалением поняли, что для них места в яме больше нет. Придется служить покуда в рабстве. Если племя не потеряет могущества, может быть, достанется место в следующем погребении, столь же богатом. И тогда на веки вечные – безбедное существование в сытой стране предков.

Эльдэнэ, полузакрыв глаза, сидит в задних рядах пленников, прислоняясь к сосне. Всех, кого было нужно, уже взяли, можно немного передохнуть. Но косатый богатырь решил подарить счастье еще одному пленному, он был щедрым человеком. Он не нисходил до того, чтобы разговаривать словами. Жестом он указал на пленных. Воинам, ловившим глазами каждый его жест, показалось, что перст богатыря указывает на Эльдэнэ. И они, раскидывая прочих желавших, метнулись к нему. В положении Эльдэнэ сопротивляться, убежать было совершенно невозможно: сзади – сосна, со всех сторон тела пленных. Но к ногам воинов, завывая, визжа и обли-

зывая грязь с меховых сапог, кинулся тот, кого мгновеньем раньше оттерли. Тела вновь смешались в один клубок. Воины схватили кого-то, уже не разбирая. И это был не наш герой.

Косатый вновь обернулся лицом к костру, помедлил. Тишина легла на поляну. Вдруг он резко взметнул вверх обе руки: «Х-хэ-эй!» В руке богатыря болтался кусок заскорузлой кожи с волосами. «Х-хэ-эй» – дружным воплем ответила ему поляна, и эхо речное далеко разнесло крик. Еще бы! Богатырь добыл душу шамана, именно она безошибочно доведет погребенных до страны предков. Великий богатырь, из великих великий! Косатый подошел к яме и разжал пальцы. Кусок волосатой кожи упал к изголовью. Все.

Вогулы заложили яму жердями, старательно насыпали земляной холм. Погребение готово. Все сделано правильно. Предки примут всех посланных и дадут им хорошую новую жизнь в богатой своей стране. Народ разбрелся по землянкам, на новых рабов никто не глядел. А чего на них глядеть-то? Пусть сами устраиваются. Одну ночь переночевали прямо на поляне возле погребения. Потом нашли опустевшую землянку (хозяин построил новое жилище) и кое-как натолкались туда. Работой их не слишком-то нагружали: все то же углубление землянок, заготовка валежника для костров и очагов. Почистили и укрепили палками подземный лаз от землянки шамана к речному берегу. Узкий и извилистый лаз выходил к самой воде, этот выход с реки укрывала падавшая с подмытых корней ольха.

Дух ветра

Семейство, в которое угодил Эльдэнэ, тоже было не из самых богатых. Можно даже сказать, неважно шли дела. Близилась осень, косатый Асыка предпринимал попытки расширить уголья к зимней охоте, отбив земли у других таких же семейств. В лесу непрерывно шла более или менее активная война за то, кто будет этой зимой владеть местами обитания дорогого зверя. Отряды лесных воинов человек по десять-двадцать сновали по лесу, пытаясь выследить друг друга и напасть. Здесь не вели длительных кровопролитных сражений. Если удалось подойти незамеченным к противнику на расстояние убойного полета стрелы – считай, что победил. Здесь стрелы мимо не летают. Но если незаметно подойти не удалось или встречено яростное сопротивление – нападавшие растворяются в лесной чаще.

Мечтой Асыки было выбить соседнюю семью за старицу и полностью владеть правым берегом: владения, в которых много высокого речного берега, очень ценились в этих краях. Ранним утром в начале осени он с дюжиной воинов переправился по сваленной елке через ручей и попытался подойти к сторожевому чуму соседей. Перед ними на траву легли стрелы противника, означавшие, что их видят. Несолоно хлебавши, вояки поздним вечером воротились домой.

На другой день весь маленький лесной народец с самого утра пришел в оживление. Рабам было велено таскать валежник для костра и очищать поляну. На одной стороне поляны поставили походный чум косатого богатыря, на другой полукругом настилали старые вытертые шкуры. Тут будут сидеть. Вечером темное небо над поляной разрезал огонь костра. Один из воинов косатого вел рассказ о вчерашнем походе. Сам косатый, полужакрыв глаза, величественно сидел рядом, время от времени прерывая основного сказителя. Было заметно, что сказитель лишь повторяет слышанное и заученное, тогда как добавления косатого всегда были чем-то новым.

Эльдэнэ услышал, что вовсе не по сваленной елке через ручей переправились отважные воины, а пересекли семь бурных рек. И были там речные коварные девки и лесные девки. И шли воины семь дней и семь ночей, и победили неисчислимо сколько разнообразных богатырей, и те скрылись, посрамленные.

Асыка, прервав сказителя, добавил, что он попросил свою прародительницу, великую Лосиху, дать ему детей ее в помощь. И великая Лосиха детей дала. И пошли вперед боевые

лоси, наводя страх. Вот так! – косатый вскочил, его собраты воочию увидели гордую и ужасную поступь боевых лосей, слышали их трубный рев. Многие тоже повскакали с земли, глаза их горе ли, и крик «Х-хэй-й!!» разносился далеко окрест. Но, – продолжил сказитель, – пока богатыри шли, духи предков все как один говорили им: ой, не ходите, не ходите, плохо будет! Но воины не хотели отступать, все шли и шли. И лишь рогатая щука остановила их, говоря, что этот поход не принесет добра племени. И тогда богатырь повернул войско назад, потому что он не только великий, но и мудрый богатырь. И его воины совершили множество великих подвигов и еще много совершат!

– Х-хэй – х-хэй-й – х-хэй-й!

Не в силах сдерживать волнение, воины вскочили с земли. Их танец был полон дикой силы и радости жизни. Полуприсев и широко раздвинув колени, они перескакивали с ноги на ногу под дружные единые возгласы: х-хэй – х-хэй-й – х-хэй-й!!! Движения становились все быстрее, и глаза танцующих выкатывались. Наконец самый оглушительный крик «Х-хэй-й!!!» потряс окрестности в последний раз, и все разом повалились на землю. Догорал костер, лесные люди разбредались по своим землянкам, довольные и походом, и рассказом о нем.

Через несколько дней Асыка наткнулся в лесу на отряд московитов числом до полусотни. Большую часть перебили, человек до десяти притащили в лагерь. Участь этих людей, посланных неизвестно зачем в глухие леса, была поистине ужасна. Они никому не были нужны как рабы, поскольку ничего не умели, а даром здесь никого не кормят. Поэтому двоих употребили на неотложные нужды – принесли в жертву духам предков. Эльдэнэ не был жалостлив, но дикий визг людей, с головы которых сдирали волосистую кожу... Остальных быстренько распродали незадорого соседним семействам, где их ждал тот же конец. Московский князь один за другим слал отряды с приказом взять дань. Отряды уходили в лес, как под воду. Какая дань? Надежды уцелеть – и то не было. Об этой победе в лесах никто не рассказывал никаких преданий и не устраивал праздников. Это ж был не противник. Шли какие-то, на весь лес шумели и воняли страхом. Их взять – все равно, что горсть ягод мимоходом в рот кинуть. И забыть.

Потому что готовилось великое состязание богатырей за невесту. У косатого была одна жена, но он был таким могучим и великим богатырем, что пора было добывать другую. Шаставший по лесам тутошний торговец невестами известил окрестных великих богатырей, что невеста есть. Прекрасная медноволосая красавица. Глядеть на невесту никто из богатырей не пошел, а в женихи вызвалось сразу несколько. Однако торговец запросил так много соболя, что в желающих остались только косатый и тот богатырь, чье семейство держало сторожевой чум возле берега старицы. Состязание произошло на высоком речном берегу возле дозорного костра. Зрителей набегало множество, важное дело-то, что и говорить! На поляне расположились помирившиеся по такому случаю лесные люди. (К слову сказать, они друг с другом и не враждовали, просто охота есть охота.) Поставили небольшой нарядный чум с предметом спора, красавицей-невестой. Чум был до поры закрыт пологом.

– Я, великий богатырь, я победил многих богатырей!! – так начал поединок противник косатого.

– А – ах-х!! – это зрители.

– А я ходил походами за семь бурных рек, я попадал в комара, сидящего на вершине высокой сосны!! – отбил удар косатый.

– А – ах-х!! – с каждым разом все громче.

– А я говорю с духами предков! – это удар с той стороны.

– А – ах-х!!

– А я – с рогатой щукой, и так я велик, что стада боевых лосей служат мне!! – Неотразимый удар косатого.

– А – ах-х!!

Косатый был сильнее, это все видели ясно. Раз уж у него есть боевые лоси! И дружный рев «х-хэй-й!» возвестил, что победа осталась за ним.

Зрители вскочили, чтобы увидеть завоеванную невесту. Полог сняли, стало ясно, что битва велась не зря. Прекрасная медноволосая дева сидела в чуме на шкурах рыси. Опять танцы радости и счастья до полного изнеможения.

Эльдэнэ очень удивился, когда сняли полог с чума невесты. Рыжая веснушчатая девушка, очень похоже, происходила из танцующих!

Когда витязь ушел в следующий поход, Эльдэнэ улучил момент и спросил рыжую на языке танцующих, откуда она. Та очень удивилась не тому, что услышала родной язык, а тому, что к ней как ни в чем не бывало обратился раб! Но все же столь высокое положение над людьми она занимала еще не так давно, и это не успело ее совсем испортить. Энэ – рыжая и веснушчатая. Вогулы, темноглазые и темноволосые, от нее без ума. Стоит ей появиться возле землянки – множество лесных людей собирается и лицезреет красавицу, разинув рот. Ей это очень нравится. Кроме того, Эльдэнэ был любезен и лъстив...

Энэ только и ждала расспросов и с удовольствием все поведала, и спела, и станцевала. Что дома ее звали Италмаз, то есть цветок. Что слухи о ее замечательной красоте достигли всех краев земли. И семь рыцарей леса, самых храбрых и замечательных, бились за нее, золотоволосую красавицу. (У лесных людей так считают: один – пара – семь – несчетно.) И победил самый могучий – ее теперешний муж. И увез. Прямо в наш осенний праздник и увез.

– А что это за осенний праздник?

Вопрос у Эльдэнэ случился просто так. Лесному человеку нечего праздновать осенью. Готовят припасы да очищают землянки, к зиме готовясь. Основное дело – охота и торговля – в лесу именно зимой. Осенью празднуют люди поля, собравшие урожай. Им есть чему радоваться. А танцующим-то чего праздновать? Ответ же показался ему примечательным:

– Мы встречаем дух ветра.

Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее!

О, сколько хотите подробностей!

– Дух ветра рождается осенью в священном доме из бревен, в котором еще один дом из глины. Туда заходят только один раз в году, в день священного праздника. Слуги духа ветра приносят священные сосуды, и многие женщины зажигают огонь в домах из глины. И не спит та женщина три ночи и три дня, ожидая рождения духа ветра. Он может родиться, а может и не родиться. Если он родится, то, враждуя с духом белой воды, зажигает ее. И тогда все радуются. Дух воздуха всего один день гостит у танцующих, а потом слуги его уносят. Пока он в гостях – все поют и пляшут, а когда он уходит – лежат и плачут от горя.

Что-то тут есть, чувствует Эльдэнэ. Не все выдумки. Какая-то изба с печью, горшки. Откуда избы у танцующих? Сроду не было.

– А где твоя земля, где земля родителей твоих, прекрасная жена могучего богатыря?

И это – пожалуйста! Везли ее, прекрасную и желанную золотоволосую Энэ, через семь бурных рек и семь высоких гор. И не было видно берегов у тех рек, и рогатая щука показывала, куда плыть. Вершины гор исчезали в далекой вышине. И семижды семь раз вставало солнце и вновь садилось – вот как долго вез ее богатырь.

– На чем же вез он тебя, прекрасная Энэ?

Н-ну-у, на чем вез... На чем? Да на могучих лосях, данных предками его, лосями, желавшими, чтобы их потомок женился на такой красивой Энэ. Как ветер, мчались те лоси через леса и горы. Вот так на лосях и вез меня богатырь.

И далее – все семь верст до небес, и все лесом, и без единой остановки. Про битвы богатыря с другими могучими богатырями, девок водяных и земных и духов всех предков.

И ничего из этой мутной водички Эльдэнэ больше не выудил. В дальнейшем повествования Энэ и вовсе потеряли малейшую связь с реальностью, а сама она перестала смотреть вниз, где был он, ничтожный раб.

За красавицу жену Асыка должен будет отдать много соболя, а его надо добыть будущей зимой. Угодья надо расширять. По этому, собрав воинов, на рассвете следующего дня он опять пошел за семь бурных рек, то есть перелез через ручей по сваленной елке. Очень может быть, что воодушевление от победы косатого над соперником добавило отваги и наглости его воинам. А воины проигравшего утратили какую-то малую часть боевого духа. В соперничестве равных такие вещи играют очень важную роль.

Во всяком случае, вечером войско вернулось с богатой добычей. Чум противника был разгромлен. Двоих-троих его защитников растерзали на куски и разбросали на месте. Остальных привели в селение. Радость от долгожданной победы была столь велика, что празднество устроили в тот же вечер возле святилища Ялпус-ойка.

Пламя костра выхватывало из темноты фигуру громадного идола, грубо вырубленную из ствола поваленной и переломленной ветром сосны. Повествование о походе по очереди вели сказитель и косатый. И опять трубили боевые лоси и вещала рогатая шука. Но на сей раз и духи предков, и шука предрекали победу. И победа была! Клич «Х-хэй – х-хэй-й!!!» огласил и лес, и реку, и заречные темные дали. И пришли воины с богатой добычей, и благодарят Ялпус-ойка за поддержку и помощь.

Два воина вывели давешнего проигравшего богатыря. Вот, оказывается, какая важная добыча! Проигравший вел себя, как ни странно, самым жалким образом. Он извивался в руках воинов и умолял пощадить его. Зрители затаили дыхание. Проигравший богатырь был поставлен спиной к костру.

Далее действо вел вышедший из чума шаман. Из большой серебряной чаши в маленькую он отлил немного воды, белесоватой на вид, жестом приказал подать ему из костра горящую головню. Вытянув руку с чашей, он поднес к ней головню – и вода вспыхнула! Прямо-таки стон восхищенного изумления пронесся над поляной:

– Х-ха-а-ах!!!

Шаман выпил остаток из большой чаши. Казалось, он принял в себя некоего демона, налившего силой его руки и ноги, а взгляду давшего блеск и власть. Он кружил у костра, и всякому лесному человеку было ясно, что шаман ведет разговор с самим Ялпус-ойка, и тот понимает его. Наконец, получив от Ялпус-ойка ответ на какой-то, видимо, самый важный вопрос, он протянул руку к воину, стоявшему возле чума. И в эту руку была вложена сверкающая сабля. Шаман показал саблю Ялпус-ойка, и тот, видимо, тоже одобрил такую замечательную сверкающую саблю. Эльдэнэ знал, что лесные люди толком не умеют обращаться с саблями в бою. Сражение с противником в ближнем бою им вообще чуждо. Но здесь противник бессилен, видимо, шаман этой саблей и намерен его прикончить.

Но что удивляло, так это жалкий вид приговоренного. На взгляд лесного человека, думавшего, что сразу после правильно устроенной смерти он попадет к предкам, в такой кончине пред ликом самого Ялпус-ойка не было ничего такого уж страшного. И они обычно относились к смерти с полнейшим хладнокровием. А этот был переполнен ужасом, визжал и висел на своих охранниках, как жалкая тряпка. Шаман подошел к жертве, и сабля взвилась. Эльдэнэ прикрыл глаза.

Вопль восторга и ужаса взлетел над поляной, и веки Эльдэнэ раскрылись сами собой. В одной руке шамана была сабля, а в другой – отрубленная... коса проигравшего богатыря. Сам же он рас простерся перед Ялпус-ойка без признаков сознания. То, что произошло с ним, было хуже смерти. У него отняли его косу, его дух. Теперь он был даже не раб, а просто не человек. Просто грязь, как червь земляной. И шаман подтвердил это, помочившись на него.

Лесные люди расходились от идола притихшие. Конечно, поход был удачный, принесена замечательная жертва Ялпусойке, расширены уголья, что очень важно перед наступающей зимней охотой. Но все же в человеческих душах жестокость всегда вызывает некое сочувствие к жертве. Может быть, и поверженный богатырь вызвал сочувствие, думал Эльдэнэ. А, может быть, воины просто устали, так как целый день воевали и праздновали победу, а уже глубокая ночь.

Воодушевленные победой воины продолжали походы, но большой удачи так и не выпадало, и духи предков, как сговорившись, советовали повернуть обратно. Уже кончалась осень, начинались первые крепкие заморозки, падал снег. Из одного такого похода принесли пронзенного стрелой воина. Кем-то он, видимо, приходился косатому, не то родным братом, не то сводным, не то двоюродным. Косатый считался для нескольких воинов старшим братом, а кем был на самом деле, Эльдэнэ еще не понял. Однако понял, что погребение такого родовитого воина не обойдется без сопровождающих его покойников. Для этого, собственно, рабов и держали. Дабы не угодить в погребальную яму, Эльдэнэ придется бежать, а это означало, что все его дело пойдет насмарку.

Священное блюдо

Трудно сказать, чем бы дело кончилось, но тут неожиданно занемог шаман. Он почти все время лежал в своей землянке, стонал, без конца пил воду, заедая ее клюквой. Темное лицо его опухло и потемнело еще больше, руки тряслись. Эльдэнэ пристроился ухаживать за шаманом, и почетное место в погребальной яме досталось не ему, а другому счастливцу. Шаман ослабел настолько, что сам не мог и штанов спустить. Эльдэнэ приходи лось, как с малого дитяти, снимать меховые штаны, сажать на поваленный и ошкуренный ствол, свешивая голый зад, и держать за руки-ноги.

Каждое утро шаман подползал к пологу, закрывавшему вход. Выглядывал наружу и с надеждой глядел на небо. Зима в том году пришла рано. Ударили крепкие морозы, река стала. Один из воинов по приказу шамана зажег костер на сигнальной горе, и тот костер горел днем и ночью. Стороже вые менялись, а таскать валежник шаман посылал Эльдэнэ. Беспокойство шамана росло с каждым днем. Иногда он велел вытаскивать себя на сигнальную гору и долго вглядывался в снежные дали верховьев реки. Он явно кого-то ждал. И те, кого он ждал, наконец, показались.

Сани летели по гладкой заледеневшей реке. Одни... другие... еще пара... Костер был замечен. Шаман кубарем скатился с сигнальной горы, а в землянку был доставлен волоком тем же Эльдэнэ. Там шаман повелел ему убираться и упал ничком на меховой ковер. Эльдэнэ скользнул за меховой полог и нырнул в зеву подземного хода.

В землянку, согнувшись, стремительно зашел, как нырнул, высоченный мужик в тулупе. Хоть он и снял шапку, землянка была ему по росту мала, он вообще заполнил ее всю своим громадным телом. И сомневаться было нечего: новгородец. Шаман, как ни странно, привскочил и весь ожил. Пришедший рас пахнул тулуп. И в полумраке землянки Эльдэнэ разглядел, что он весь был увешан плоскими кожаными кошельями. Шаман протянул трясущиеся руки к этим кошельям, но мужик руки отвел, развернул кожаный же мешок чуть не с его, шамана, рост.

Мгновенно развернувшись, шаман нырнул за полог и начал одно за другим подавать новгородцу серебряные блюда. Тот каждое взвешивал на руке и кидал в мешок, а шаману отдавал небольшую круглую палочку. Когда мешок был набит и тщательно завязан, пришедший отцепил несколько кошельей по счету палочек, отдал шаману. И вышел.

Шаман ухватил кошельи, утащил их за полог и возился там, видимо, тщательно запрятывая. Выполз на коленях, развязал кошель и начал... жадно пить из него. Сделал несколько глотков, перевел дыхание, глотнул еще. Завязал кошель самым старательным образом и спрятал за

полог. Эльдэнэ моргать забыл, глядя на невиданный торг. Так вот как уходит серебро в Новгород! Вот за это, за то, что шаман сейчас так жадно пьет! Похоже, это и есть горячая вода. И она столь мила шаману, что он жить без нее не может. Отдает серебро. За пяток кошель – мешок серебра! Вот это товарец! И доставляют этот товарец именно новгородцы.

Горячая вода произвела на шамана самое живительное действие. Он выпрямился, лицо его разгладилось, он покружился в тесном своем жилище, что-то радостно бормоча.

В землянку заглянул еще один из приезжих, ростом пониже. Если первый не обменялся с шаманом ни единым словом (тут понимали без слов), этот сколько-то знал вогульскую речь, и раз говор шел уже совсем о другом. Асыку звали выехать к старым солонцам. Где это и зачем туда ехать Асыке? Ответа Эльдэнэ не слышал, но тон беседы был самый мирный, да и велась она, видно, не первый раз, тут было только подтверждение. Мол, о чем раньше договаривались, вот оно будет там, возле солонцов.

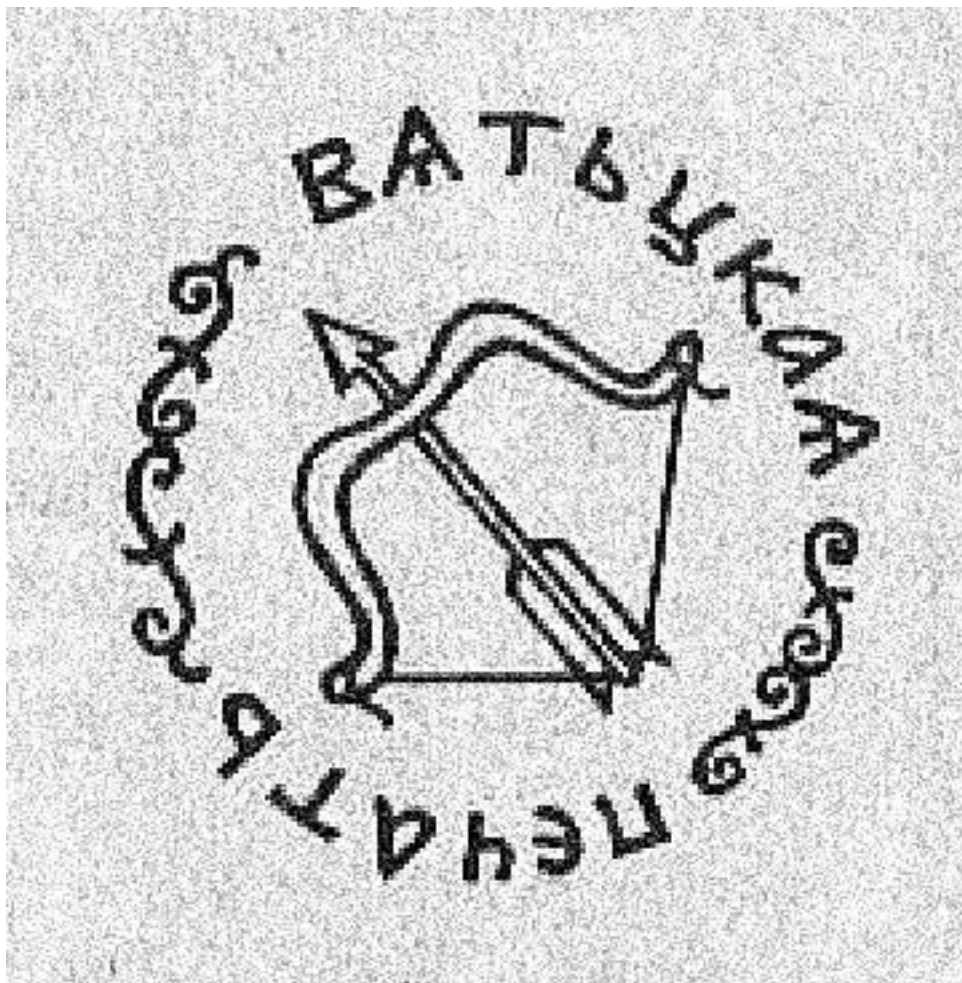
По уходе переговорщика шаман свалился на меха и заснул. Эльдэнэ выполз из-за завеси. Что-то беспокоило его, но он и сам не мог понять, что. Да, вот что, точно! Запах! Резкий, совершенно не знакомый ему запах, перебивающий звериную вонь шкур в жилище шамана. Он выглянул из землянки. Поблизости никого не было. Он подполз к спящему шаману и принюхался. Вонь, несомненно, исходила от шамана. Значит, это запах неведомой горячей воды. Что за зелье такое изобрели новгородцы?!

Внезапно запнувшись, Эльдэнэ нагнулся. В полумраке землянки тускло мелькнуло большое узорчатое серебряное блюдо. Видимо, шаман выронил его, когда укладывал серебро в мешки новгородца. Эльдэнэ поднял блюдо. Неведомый мастер с замечательной живостью изобразил на нем сцену охоты. Яростный лев бросается на всадника, тот в могучем развороте стреляет прямо в морду зверя из мощного, двумя дугами выгнутого лука. Как замороженный, любовался Эльдэнэ на зверя невиданного и на диковинного всадника. Неведомый человек каких-то дальних земель. Но что-то кажется ему, Эльдэнэ, хорошо знакомым... А что тут можно увидеть знакомого? Так ничего и не поняв, Эльдэнэ спрятал блюдо в своей норе. А шаман пропажи и не хватился.

Всю зиму Эльдэнэ торчал возле шамана. Тот бдительно охранял свое сокровище и пил только в одиночестве. Велел Эльдэнэ притаскивать воды в горшке, разводил принесенный гостем напиток, каждая капля которого почиталась им за драгоценность.

Между тем в лесном поселении кипела бурная зимняя жизнь. Настала пора охоты, и почти все воины с утра уходили на промысел. Стало ясно, почему косатый так стремился занять место у реки. Лесной народец стал подтягиваться к реке, устанавливая походные чумы и вывешивать на вкопанных еще летом шестах шкурку за хвост. Совершенно очевидно, что это был заметный издали сигнал торговцам, которые явиться не замедлили.

Бессчетных в лесу не было, и за проход к реке, и за место чума следовало отдать владельцам земли неплохую, видимо, плату. Поэтому все известные тропки были под приглядом, весь лесной народец мужеска полу, включая малых детей, был занят по горло. Что уж тут кому доставалось, Эльдэнэ было сложно судить, но косатый, судя по всему, не оставался внакладе. В землянку шамана он не заходил, зимой было не до праздников. Свою любимую супругу он, по видимому, обвесил бусами и ожерельями из монет, потому что все женщины селенья постоянно туда бегали глядеть.

Вятская печать

А для Эльдэнэ зима прошла довольно скучно. Он прочно занял место возле шамана и наблюдал за ним. А тот по большей части спал. С утра, еле раскрыв опухшие глаза, жадно пил воду и ел клюкву. Потом доставал драгоценный кошель, разводил напиток водой, потом уже не разводил, потом в беспамятстве сваливался на шкуры.

Весной, как снег сошел, шаман перестал есть и спать. Ночью он то и дело страшно кричал, колотил в большое серебряное блюдо. Иногда выскакивал из землянки и бегал вокруг селенья, все так же колотя в блюдо и страшно крича. Соплеменники ничуть этому не удивлялись: на то и шаман, он видит грозных и злых лесных мовси, которые вечно вредят людям. Шаман спасает племя, это хороший шаман.

Эльдэнэ понимал, что ему пора уходить. Он увидел то, что ему было нужно. Хотя пока не понял, что же он увидел. Шаман пил нечто, похожее на вино, мутно-белое такое вино. Но это вино пьянит гораздо сильнее, чем все то, что пьянит. И у шамана трясутся руки, и порой он просто как горячечный, то есть сумасшедший. Вот такое оно сильное и злобное, это белое вино. И тот, кто стал его рабом, отдаст ради него все.

На землях московских, владимирских, тверских и новгородских к тому времени уже давно ставили хмельные браги. Случались и большие попойки. И войску княжескому с военачальником во главе случилось в речке утонуть, было дело. Ту речку Пьяной назвали. Но для того, чтобы так упиться, нужно было примерно ведро выпить! В животе и места столь нету. Трудно было напиться-то тогда! А шаман сваливался от одного-двух глотков! Нешто из-за морей наловчились новгородцы сие вино белое возить? А почему тогда Энэ рассказывает, что дух ветра, зажигающий воду, рождается в доме из бревен? Ро-жда-ет-ся он там! Где? Где??

Мучительно размышлял Эльдэнэ и не находил ответа. Иногда он доставал из тайника серебряное блюдо, задумчиво скользил глазом по линиям львиной спины, торса могучего всадника, по причудливому изгибу лука... Лук... Лук почему-то ему кажется смутно знакомым. Где-то он видел его, лук такой. Нет, у татар лук не такой, у новгородцев тоже не такой...

А вот тут такой! Вот где он видел такой лук, двумя-то дугами изогнутый?

Вспомнил! Печати вятские! Много где бывал Эльдэнэ, бывал в новгородских землях. Цепляла память неясное, невнятное. Доводилось видеть деньгу не деньгу, тамгу не тамгу, а лук такой там был! Может, и делают воду эту горящую где-то там, возле Вятки?

Близко тут Вятка. Очень близко. Туда и следует путь держать. Что знали о Хлынове современники Эльдэнэ?

Матушка-Вятка

Мы шли...

«Мы шли. У ручья стали. Тутока и станём жить», – вот так мне от предков была передана история земле. Не так уж мало. «Мы» – это, скорее всего, означает, что шла семья. Малое Турово – деревня действительно маленькая, а выходцев из нее и по сию пору отличает внешнее сходство. Они не плыли по реке, не преодолевали каких-то серьезных преград, а просто шли. Их никто не вел, не гнал, место для жилья они выбрали сами. И переход был не такой уж большой, без зимовок. На карте соседней с нами Вятской губернии возле Нолинска обнаружилась деревня Малые Туры. Более того, рядом деревня Большие Туры. А возле пермского Малого Турова есть деревня Большое Турово. Парные деревни расположены на одной широте на расстоянии 200–250 километров. Никаких естественных преград для перехода, действительно, нет, расстояние вполне преодолимое. Значит, мои предки в Прикамье оттуда и при шли, с вятской земли.

Вятка (пока город Киров) – ближайший сосед Перми. Еще Даль указывал, что Оханский уезд Пермской губернии, который в девятнадцатом веке включал весь запад нынешнего Пермского края вплоть до Камы, по народу вполне принадлежит губернии Вятской. В Перми едва ли не каждый второй житель имеет вятское происхождение.

А что мы знаем о старой матушке Вятке, о ее роли в истории Прикамья, России? Почти ни-че-го.

«В нашей истории нет ничего темнее истории Вятки», – отмечал Карамзин.

«...Утвердись в стране Вятской, россияне основали новый город близ устья речки Хлыновицы, назвали его Хлыновым и, с удовольствием приняв к себе многих двинских жителей, составили маленькую республику, особенную, независимую в течение двухсот семидесяти осьми лет, наблюдая обычаи новгородские, повинуюсь сановникам избираемым и духовенству.

...Новгородцы также времени от времени старались делать зло хлыновским поселенцам, именовали их своими беглецами, рабами и не могли простить им того, что они хотели жить независимо.

...сия народная держава сохранила свои древние уставы гражданской вольности»².

Вятской общиной на некоторых исторических картах названа территория между реками Вяткой и Чепцой. На ее западной границе стоит старинный городок Котельнич, названный так новгородцами в начале XII века.

Современники давали Вятской земле XVI века самые лестные отзывы, считали ее краем изобилия. Ходили буквально легенды: «В земле той поля великие, и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды... хлебов же всяких такое там множество, аки бы на подобие множество звезд небесных, тако же и скотов различных стад бесчисленное множество, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей в той земле бывающих... не вем, где бы под солнцем больше было».

Вятские земли уже в XVI веке считались житницей и имели избыток зерна. Тоже не случайно. Здесь неплохая для северных широт земля и хорошие условия для земледелия: с севера вятскую землю прикрывают Северные увалы, а река Вятка и ее притоки текут с юга, принося драгоценное тепло. Ушкуйники нашли прямо-таки климатический оазис!

---

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3. Гл. 1.

В городах Вятской земли существовали постоянные торговые заведения – лавки, ларьки, палатки, а также «торги» (рынки). Хлынов уже во второй половине XV века был крупным торговым и ремесленным центром, входившим в число пятнадцати крупнейших русских городов. Зажиточная была страна. Страна загадочная и совершенно необычная, верно что особенная для своего времени. Княжил ли там кто-то? Неизвестно, община и есть община – народная держава, ни много ни мало. Вообще без князей обходились. Доходили до Москвы имена воевод, предводителей разбойничьих – и только. Знаться Вятка ни с кем не зналась, а уж к себе не допускала никого. Выборными были все, вплоть до священства. По-моему, это единственный пример в истории подлинного народного самоуправления. И – процветания!

На чем могла «подняться» средневековая Вятка? Версия первая, наиболее известная, – грабеж. Вятка – разбойничье гнездо.

Речная война

Быстро исчезает след на воде...

Вятка (Хлынов) была основана речными разбойниками. Так гласит Вятская летопись. В московских летописях упоминания о вятичах часто нелицеприятны. Разбойники-де они, безверные и самоуправные. Особо порицали вятских ушкуйников, называемых речными разбойниками. Ужас наводили ушкуйники на все речные пространства, стремительно подлетая к берегу на больших плоскодонных лодках – ушкуях.

Когда начались походы новгородской вольницы – ушкуйников? Разные есть сведения. От века XI до XIII. Большой поход датируется 1320 годом во время войны Господина Великого Новгорода со шведами. Дружина Луки Варфоломеевича на морских ушкуях прошла Северной Двиной, вышла в Белое море, а затем в Северный Ледовитый океан и razорила область Финмарнен, располагавшуюся между южным берегом Варангер-Фьорда и городом Тромсе. В 1323 году, пройдя тот же путь, ушкуйники напали на соседнюю с Финмарненом северонорвежскую область Халогаланд. Эти набеги внесли свою лепту в войну, и шведы заключили с Новгородом компромиссный Ореховецкий мир. Однако в 1348 году они вновь напали на Новгородскую республику. Король Магнус обманом захватил крепость Орешек. В ответ на следующий год последовал морской поход ушкуйников к берегам той же провинции Халогаланд, в ходе которого был взят сильно укрепленный замок Бьаркей.

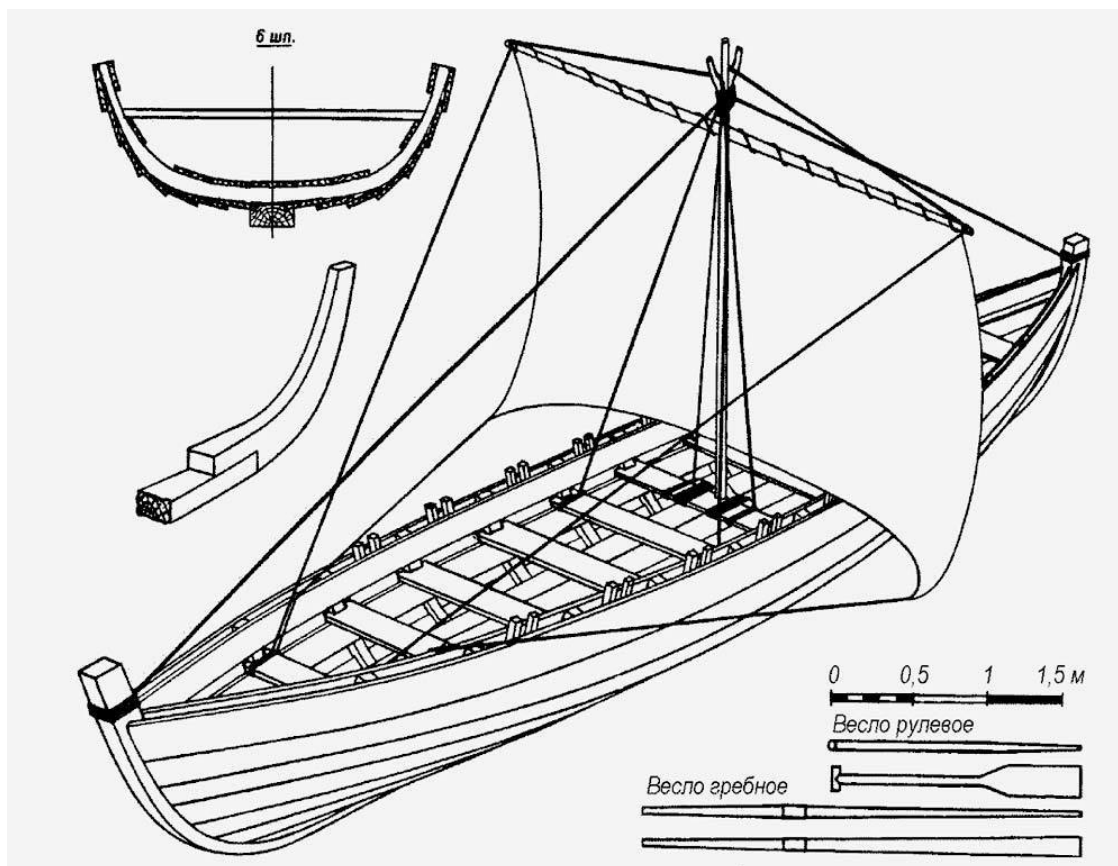
Ушкуй как новый тип корабля был создан на новгородчине. Название, возможно, произошло от наименования полярного медведя – ушкуя. Это название существовало у поморов до XIX века. Часто ушкуи украшались головами медведей. Так, в новгородской былине в описании корабля Соловья Будимировича сказано: «На том было соколе-корабле два медведя белые заморские». Речные и морские суда называли еще стругами. Энтузиасты воссоздают облик ушкуя на основании обрывочных сведений археологов, анализа других судов Северо-Запада России, собственного опыта конструирования и фантазии. Ушкуй – легкая и простая в изготовлении весельная плоскодонная лодка на 20–30 человек. Не использовались никакие металлические детали, только дерево. Отсюда – полная потаенность места создания ушкуев: послал мужиков-плотников с топорами – и все! Нос и корма ушкуя имели одну и ту же форму, поэтому его было легко втащить на берег, а при необходимости – умчаться с места событий без разворота.

«Ушкуй строился из сосны, причем использовался лес с естественным изгибом. Киль его вытесывался из одного ствола и представлял собой брус, поверх которого накладывалась широкая доска, служившая основанием для поясов наружной обшивки. Она скреплялась с килем деревянными стержнями (гвоздями), концы которых расклинивались. Балки, образующие носовую и кормовую оконечности корабля, делались прямыми и устанавливались вертикально или с небольшим наклоном наружу, причем носовая была выше кормовой. Они соеди-

нялись с килем кницами (угольниками для жесткого соединения элементов набора корпуса судна, примыкающих друг к другу под углом), вырезанными из ствола дерева с отходящей под углом толстой ветвью. С наружной обшивкой и первыми шпангоутами штевни скреплялись горизонтальными кницами, причем верхняя одновременно служила опорой для палубного настила, а нижняя размещалась на уровне ватерлинии или чуть выше. Опруги (шпангоуты) состояли из «штук» (деталей) – толстых веток естественной погиби, стесанных по поверхности прилегания к обшивке, со слегка снятой кромкой на стороне. В средней части судна опруги состояли из трех частей, а в оконечностях – из двух. Морские ушкуи (в отличие от речных) имели плоскую палубу только на носу и корме. Средняя часть судна (около трети длины) оставалась открытой. Грузоподъемность их составляла 4–4,5 тонны. На внутреннюю обшивку опирались шесть или восемь скамей для гребцов. Благодаря малой осадке (около 0,5 м) и большому соотношению длины и ширины (5:1) судно обладало сравнительно большой скоростью плавания. Как морские, так и речные ушкуи несли единственную съемную мачту, располагавшуюся в центральной части корпуса, с одним косым или прямым парусом. Навесных рулей на ушкуи не ставили, их заменяли кормовые рулевые весла.

Киль был широким и плоским. Одинаково изогнутые носовая и кормовая балки соединялись с килем деревянными гвоздями или в потайной шип. Корпус набирался из тесаных досок. Первый пояс обшивки крепился к килю такими же гвоздями, остальные сшивались между собой ивовыми прутьями с креплением к штевням нагелями. Верхний пояс обшивки был толще остальных примерно в полтора раза. Цельноогнутые опруги монтировались в уже готовый корпус и прибивались к наружной обшивке только деревянными гвоздями. Внутренняя обшивка не была сплошной: по днищу в виде елани свободно лежали доски, чуть выше скулы шел внутренний пояс (толщиной, как и наружная обшивка), на который опирались скамьи для гребцов, а верхний пояс находился на уровне последнего наружного и крепился к опругам гвоздями. Толщины внутреннего и верхнего поясов были равными с соответствующими наружными. Планширь (деревянный брус с гнездами для уключин, идущий вдоль борта лодки и прикрывающий верхние концы шпангоутов) отсутствовал. В зазор между обшивками вставляли клинья-кочеты, которые служили опорами для весел. Утолщенные последние пояса наружной и внутренней обшивок обеспечивали достаточную прочность борта при возможном абордаже или при перетаскивании ушкуя через переволоку.

Ушкуй (реконструкция)

Речной ушкуй имел длину 12–14 метров, ширину около 2,5 метра, осадку 0,4–0,6 метра и высоту борта до 1 метра. Грузоподъемность достигала 4–4,5 тонны. Укрытий ни в носу, ни в корме на нем не было. Благодаря симметричным образованиям носа и кормы ушкуй мог, не разворачиваясь, моментально отойти от берега, что приходилось часто делать при набегах. При попутном ветре ставили мачту-однодревку с прямым парусом на рее. Для его подъема верхушка мачты снабжалась нащечинами. Простейший, без блоков, такелаж крепился за скамьи, а носовая и кормовая растяжки – на соответствующих оконечностях».

С ушкуйниками ходили лучшие новгородские воеводы. В летописях, легендах и народной памяти остался предводитель ушкуйников – Анфал Никитин. Ему приписывают организацию грандиозных походов на сотнях ушкуев в начале XIV века. В 1363 году ушкуйники с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Ляпой во главе вышли к реке Оби. Здесь раз делилась: одна часть пошла воевать вниз по Оби до самого Ледовитого океана (Студеного моря), а другая – гулять по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды, Чагатайского улуса и Китая. По масштабам их путешествия не уступят путешествиям Афанасия Никитина и Марко Поло. Жаль, остались незаписанными!

В 1366 году новгородские бояре Осип Варфоломеевич, Василий Федорович и Александр Абакунович громили караваны на Итиле. Ордынские войска опять оказались бессильными перед ушкуйниками, и хан Золотой Орды обратился за помощью к своему подданному московскому князю Дмитрию Ивановичу (будущему Донскому). Дмитрий шлет грозную грамоту в Новгород. Отвечают: «Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман».

Ушкуйники имели первоклассное вооружение, это были профессиональные бойцы. Они имели панцири – чаще всего кольчуги из рубленых из стального листа колец (байраны, или

боданы), делали и комбинированные панцири (бахтерцы), в которых между колец вплетались стальные пластины.

Не правда ли, история речных войн – некая другая, совсем другая история России, чем та, что известна нам со школьных времен? В учебниках истории нашей страны ушкуйники, если и упоминаются, то только как разбойники. Почему это они разбойники? Воеводы ушкуйников – успешные военачальники, которые не усевали поля костями русских людей, а побеждали неприятеля малой да удалой силой. Они должны быть когда-нибудь отмечены благодарной памятью потомков! Ушкуйники – военный флот Великого Новгорода, который с XII века вел с Ордой успешную и даже доходную речную войну!

Естественная мысль: если речь идет о систематических походах на большом количестве ушкуев, значит, эти походы шли не из Новгорода. Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять, сколь длинен и труден путь от Ильменя до Камы. Флотилия даже из нескольких десятков ушкуев растянется по многочисленным волокам на много верст. О ее перемещении узнает да же самый ленивый. Ушкуйники лишаются главного преимущества – неожиданности. Нужна была промежуточная база для строительства ушкуев, обеспечения продовольствием и людьми. Такая база была нужна, и она была создана. И место для нее было выбрано без промаха, в непосредственной близости от театра военных действий. Как будто природа специально для этого создала вятскую землю.

Вятка – город Хлынов, – конечно же, была поставлена ушкуйниками не случайно. Здесь в лесном краю, можно было строить корабли, запастись продовольствием и набирать команду. Расположенная в верховьях притока Волги, реки Вятки, такая база имела исключительное выгодное стратегическое положение. Отсюда вниз по течению и неслась лавина ушкуев, нанося неожиданный и неотразимый удар. Действительно, грозное разбойничье гнездо.

Только ли разбоем наживалась Вятка? Версия вторая: основой благосостояния Вятки было так называемое «пермское серебро». В легендах остался некий Анфаловский городок в Перми Великой, где якобы был зарыт серебряный клад Анфала, так никем и не найденный...

Серебро перемское

Кроме южной «руки» – речки Вятки, у Хлынова была еще и северная «рука» – верховья Камы. Большой петлей Кама охватывает пермские леса, населенные в средние века вогулами (манси). Историкам известно, что Вятка активно торговала с лесными людьми, и нигде не упоминается о каких-либо стычках. Более того, проникновению Москвы в Прикамье они противостояли совместно. Однако предмет торговли неизвестен. Никакого сколько-нибудь значительного товарного потока в наши северные джунгли не шло. Меха, обычный товар северян, почти не присутствовал на вятских рынках. А из леса в Новгород веками шел драгоценный поток «пермского серебра».

Точно сказать, сколько было вывезено драгоценного металла, сейчас невозможно, но представление о размерах вывоза дает хотя бы такой факт. От нашествия Литвы новгородцы время от времени откупались данью. Так, в 1431 году литовский князь Витовт налагает на Новгород контрибуцию в 55 пудов литого серебра (новгородский пуд – берковец – равен 163 кг). Иначе говоря, речь шла о 8965 килограммах литого высокопробного серебра. Новгород уплатил эту сумму в течение пяти месяцев.

Новгород даже начал собственное денежное производство в 1420 году, и оно продолжалось непрерывно в течение 58 лет до падения новгородской независимости и присоединения к Москве в 1478 году. Серебряная монета «новгородка» была вдвое тяжелее московской монеты, «московки».

В 1332 году Иван Калита «возверже гнев на Новгород прося у них серебро закамское». Каким образом и где добывалось это серебро, предприимчивые торгаши тщательно скрывали,

в Москве и Орде считали, что есть некие таинственные рудники, их долго и безуспешно искали потом на Урале. Никто не догадывался, что «серебро закамское» – это те запасы древнеиранской посуды и монет, которые на протяжении многих столетий копились на святилищах уральских народов.

Современный нам автор пишет об этом так.

Множество кладов серебряной утвари впоследствии было обнаружено только в Верхнем Прикамье и Западной Сибири. Обе территории представлялись буквально кладовыми, где на древних святилищах веками сохранялись блюда с изображениями сасанидских царей, согдийские кружки, кувшины с растительными орнаментами и фигурами персонажей зороастрийского пантеона, исламские серебряные бутылки и подносы с благопожелательными надписями, византийские и западноевропейские чаши со сложными литературными сюжетами и готическим орнаментом. На материалах находок серебра из Прикамья и Зауралья вышли прекрасные книги, посвященные сасанидскому художественному металлу, искусству Византии, согдийскому серебру. Из них же создавались соответствующие экспозиции музеев, в том числе Эрмитажа, и временных выставок, как в России, так и за рубежом.

В прошлом веке восточные сокровища находили на Русском Севере не просто в больших, а в огромных количествах. То, что уцелело, находится в великолепной коллекции иранских (главным образом) ювелирных изделий эпохи Сасанидов (III–VII вв. н. э., так называемое сасанидское серебро), хранящейся и экспонируемой ныне в Государственном Эрмитаже: старинные блюда и кувшины, бокалы и геммы с их неповторимыми узорами и высокохудожественными изображениями. Из дворцов персидских царей и вельмож древними торговыми путями они попали сначала на Русский Север на берега Оби, Вишеры, Колвы, Камы и даже Ледовитого океана.

Именно иранское серебро, так сказать, ханты-мансийского происхождения и составило когда-то основу личной коллекции Строгановых, которая в конечном итоге незадолго до революции поступила в Эрмитаж. До этого будущие музейные экспонаты находились на частной вилле в Италии, и владельцы опасались, что разразившаяся Первая мировая война отрежет им путь в Россию. Но и строгановские сокровища – всего лишь малая толика того, что в разное время было обнаружено в приполярных областях. И коллекция Строгановых – когда-то некоронованных королей этих краев – отнюдь не была самой большой. Сибирские и уральские древности собирали все кому не лень, ибо попадались они повсюду. Среди местных любителей старины особенно славилось собрание одного из чердынских купцов по фамилии Алин. Как истинный коллекционер, одержимый навязчивой идеей, смекалистый купчина скупал и выменивал восточное серебро, где только мог, не жалея никаких денег. Полюбоваться восточными сокровищами стекались обыватели со всей округи, тем более что это доставляло удовольствие тщеславному хозяину. Но в самом начале XX века случился в Чердыни пожар, и дом купца Алины сгорел вместе со всем добром. От баснословного богатства остались одно пепелище. Сгорело все, кроме серебра, но, увы, оно расплавилось и превратилось в слитки металла общим весом 16 пудов!

Новгородцы на протяжении нескольких столетий везли серебряные изделия из пределов пермских (закамских) земель, а также начинали получать серебро от зауральских народов. Это был очень серьезный вывоз, обеспечивающий валютную независимость Новгорода, и дело должно было быть обставлено тоже очень серьезно.

Блюдо «Охота шахиншаха Шапура II на львов». VI век. Серебро, позолота, диаметр 23 см. Из коллекции Эрмитажа

На речке Колве, притоке Камы, стояли новгородские укрепленные поселения: Искор и Покча. Путь серебра лежал через Колву – Вычегду – Северную Двину на Архангельск – Новгород. Этот путь в пермские земли называют новгородским путем. Каким путем шло взятое серебро – хорошо известно. Как его брали – непонятно до сих пор. Версия, собственно, существует только одна: грабеж. Или частный и случайный (разбойники-ушкуйники) или системный и государственный – взимание дани. Как новгородцы берут серебро, в те времена очень (очень!) сильно волновало многих. Потому что брать-то бы многие хотели – во Владимире, например. Куда ближе вроде бы находится Владимир к пермским землям, чем Новгород. Если брать дань так просто – иди да бери! Так ведь сроду не хаживали.

Тайна серебра перемского осталась тайной на четыре века.

Находки пермского серебра на Вятке были.

Это великолепное серебряное блюдо найдено в 1927 году в Вятской губернии и сейчас является украшением коллекции Эрмитажа³.

³ Официальный сайт Эрмитажа http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/03/hm3_5_4a.html

Виртуозно выполненное в технике литья, чеканки и гравировки с использованием накладных пластин и снятием фона, блюдо является одним из лучших образцов ранней сасанидской тореветики (IV в.). Изображение охоты на львов шахиншаха Шапура II – не только предмет пиршественной посуды, но и произведение официального искусства, прославляющего монарха. Динамичная сцена, блестяще вписанная в круг, монументальна и выразительна. Вероятно, портретен облик шаха, скачущего на стремительном коне и стреляющего во вздыбившегося хищника. Достоверность в передаче царских регалий – короны, шейного ожерелья, костюма – позволяет при сравнении с изображением на монетах точно определить имя персонажа.

Имел ли Хлынов, крупнейший восточный анклав Новгорода, какое-то отношение к серебряному следу?

След огненный

Анфал и рассоха

Эльдэнэ в драной меховой одежде, пыльный и грязный, заросший по уши, объявился возле Хлынова. Сколько раз он погибал в таких попытках – Бог весть. Но Московии нужно было знать, какие дела творятся на Вятке, жизненно необходимо было знать! И изветчик оживал и вновь шел.

Хлынов с умом поставлен был: с одной стороны река, с другой – глубокий овраг.

Возле городских ворот сторожка, в ней два парня. Охрана. Будка с собакой, у охраны еще одна избенка с огородом, где виднеются сараюшка с банькой. Эльдэнэ не приметили, поскольку на человека он уже не походил и одежда его схожа была по виду с дорожной грязью в канаве, куда он закатился. Почему Эльдэнэ поступил так, как он поступил в дальнейшем, понять трудно. Такие люди, как он, и тогда, и сейчас умеют предугадывать.

Один из охранников вынес в миске еду для собаки и, поставив миску возле канавы над самой головой Эльдэнэ, пошел к будке. Собаку, видно, хотел на время отвязать. Эльдэнэ метнулся к миске и начал с жадностью поедать кашу с мясом. Сторож хотел было спустить собаку на него, но второй схватил его за руку. Могли бы разорвать собакой, но не разорвали!

Эльдэнэ дали доест, попытались заговорить. Немой он, Эльдэнэ, вот что! Мычит, башкой мотает. Немой, а вроде не бестолочь, может, сбежал от кого. Велели раздеться. Мужичок крепкий, нестарый. Ну, живи пока.

Стражники коротко переговорили, один ушел в огородец, а второй сходил в избу, принес нож. Быстро развел костерок возле канавы, одежду велел бросить в костер. Посадил Эльдэнэ на чурбак, закатав рукава, ловко обстриг волосы ножом наголо. Достал из костра обгоревшую головню, показал жестом: уши загни! И головней-то по башке проехался. Вши, принесенные Эльдэнэ из лесных землянок, с треском полопались, уши вздулись. Тем временем пришел второй, они опять переговорили. Через короткое время мотнули головами: пошли, мол!

Эльдэнэ не мог поверить своим глазам: в баню вели, в баню! Пришлось поупираться, но блаженный миг все же настал. Его кинули на полук, отходили как следует веником, ошпарили щелоком, чуть не крутым кипятком. Один из охранников, здоровенный парень с пудовыми кулаками, напоследок лишил Эльдэнэ жизни. Совсем. Эльдэнэ казалось, что мясо у него отделяется от костей. Что-то внутри трещало, и он орал не человеческим голосом. Не обращая на вопли истязуемого ни какого внимания, парень измывал Эльдэнэ своими могучими ручищами с головы до ног. Из бани Эльдэнэ, засунутого в залатанные, но чистые порты и рубаху, тот же истязатель унес на одной руке и бросил в чулан на грудь половиков. Поживи-ка годик в землянке, кормя вшей, изваляйся-ка в грязи, проползая грязными канавами – тогда ты будешь спать так, как спал наш герой!

Наутро давешний истязатель, Василей Тур, спал после бессонной ночи, а второй, пониже и побойчее, звавшийся Ряпой, повел Эльдэнэ в город. Город, он и есть город, огороженный то есть. С большим интересом разглядывал Эльдэнэ гнездо знаменитых на Руси речных разбойников – вятских ушкуйников.

Городище, как видел Эльдэнэ, было небольшое, обнесенное двумя рядами врытых в землю и стоящих торчком бревен. В этот тихий летний день являло собой разбойничье гнездо вполне мирную картину, на траве между бревенчатыми стенами паслись козы и овцы. Внутри бревенчатые избы да площадь небольшая, вот и весь Хлынов. На площади людская толкотня, все мужики молодые, вида весьма примечательного. У кого глаза нет, кто без уха. Парчовый кафтан на ином, а снизу пестряденные порты. В одном месте бой кулачный, в другом народ

сгрудился возле играющих в зернь. Сидят прямо на земле, на кону кучи барахла – награбленного, видно. И те кучи, не трогаясь с места, переходят из рук в руки. Только что ходивший в парчовом кафтане уже до портов разделся, а кафтан натянул рябой мужик, и кафтан треснул.

Ряпа спрашивал, не видел ли кто Дробилу одноглазого. Видели, – отвечают и показывают один направо, другой налево. Дробила, однако ж, нашелся и оказался действительно одноглазым и без двух передних зубов. Купить Эльдэнэ отказался:

– На сто он мне? Была бы девка, взял бы. Слушай, надоело телку драть. Тутока собираются на серемисов, послы на серемисов? Сказывают, разведали у хана ихнего богатое становиссё. Девоч привезем, серемисок. Послы?

– Я туда с Анфалом одинова только и хаживал. А потом на Нижний Город Анфал сбегать хотел, под зиму. Потом, говорит, опять на Булгар двинем. И где теперя Анфал? Как в воду канул с запрошлого лета...

– Сказывают, его по баске стукнули и в полон к хану взяли.

– Бздят! Он сам хоть кого по башке-то!

– Слушай, на сто тебе Анфал? Сё ты все: Анфал-Анфал?! Это рассохинские ребята его по баске стукнули и ханским отдали. Сумел много. Сумный был парень.

– Я бы этому Рассохе самому башку снес бы за Анфала! Да, поди, и снесу еще...

– Не суми, а про Анфала забудь, пока своя баска целая. Переветник он, Анфал, на Московию переметнулся, сказывали так. Послы на серемисов-то?

Ряпа на черемисов идти согласился и тут же уселся на землю играть в зернь, забыв про Эльдэнэ. Разговор про Анфала на этом закончился. А жаль, думает Эльдэнэ, очень примечательный разговор. Тогда шумел Анфал и впрямь сильно, это и в Московии было хорошо известно. Имя коновода вятских ушкуйников наводило страх и на Нижний, и на Кострому, и на Булгар, и на Сарай. А тут, оказывается, смена власти, нет Анфала! А где он?

Эльдэнэ потихоньку отодвинулся от играющих и обошел городок. Лавки, кухня летняя дымит прямо на улице, видны большие котлы. Избы стоят, склады. Баб мало. Девоч вовсе нет. Мальчишки уже режутся в карты и кости или сходятся на кулачки. Как-то все тут у них интересно устроено: купцы рядом с разбойниками, ездят к ним. Не боятся. А те их, тутошних, не трогают, бегают грабить низовых татар или вовсе далеко на реку Сухону, там тоже не дети сидят, Гляден – городок укрепленный. Подумалось Эльдэнэ: вообще не слышно, чтобы ушкуйники обижали собственных новгородских купцов.

Не видать, однако, нигде места, где мог бы гнездиться дух воздуха, зажигающий воду. Да и не слышать как-то, чтобы речь шла про земли пермские. Вятка, да Итиль, да Устюг. Где ушкуи стоят, не видать, самих разбойничков тоже не видать. Ничего не видно. Тут только крепость с небольшой охраной.

Обратно к городским воротам Ряпа и Эльдэнэ пришли уже под вечер. Никто у Ряпы невольника не купил, зато сам он крепко проигрался, причем, похоже, продул общее с напарником добро, отчего вздыхал и чесал затылок.

Тур сидел возле костра, глядя на изгиб реки. Ряпа, опасаясь могучих кулаков товарища, сел поодаль и сразу завел разговоры про черемисов с богатым становищем и осенний поход на Устюг. Но Тур, не глядя на него, сказал медленно и твердо:

– Ухожу я, Ряпа. Не глянется мне с Рассохой дела иметь. Ничё ни к чему, одне в лес, други по дрова. Даве от татаровой еле ушли. Как без Анфала остались, никакого прибытка, а сколь народу полегло.

– Сказывают, это рассохинские тада Анфала ханским сдали...

– Рассоха-то, как калега: охота калеге башкой быть, да уши не выросли. Приходили тутока ко мне от Рассохи. Айда, мол, Анфала из перми выманивать, ты, мол, с им ходил, знает он тебя. Будто живой Анфал, убежал из Сарая на Каму, где-то в перми городок поставил. Купцов перехватывают. Вовсе переветник стал, против своих пошел.

– Может, и брешут?

– Может, и не брешут. Озлился мужик, да и переметнулся. Он мне не одинова сказывал, что со слободской головкой не в ладах. Ну как, он поболе нас с тобой во всем толковал. Много тайного знал, чего нам и знать ни к чему. Шибко у него ругань в Слободском бывала. Мол, надо какот серебряный след из перми на Вятку заворачивать. Хватит, мол, богатство мимо рта в Новой Город возить, кто, мол, оне нам? Устюг перекрыть грозился. Ну, те, видно, Рассохи и натравили. Кому охота богатство-то упускать?! Рассохи, гниду, раздавил бы!

Тур замолчал, все так же глядя на темнеющий речной поворот. Язык Ряпы продолжал чесаться:

– С Анфалом-то ты на Сарай ходил?

– Но-о, запрошлым летом.

– Хорошо сбегали, говорят.

– Дак если все по уму, вот оно и хорошо. Весело сбегали. По уму-то. Струги с зимы еще были наделаны, да стояли потаенно. Плоты, припасы на дороге. Дружина знала: как Анфал объявится, даст сигнал – так и идем. А где Анфал – и не ведал никто. Тысячкой я у его был... эх, да чё говорить!

Тур опять замолчал. Потрескивал в тишине костер, и искры улетали к звездам.

– Много чё привезли из Сарая-то, говорят?

– Чтобы много привезти, на плечах-то башка должна быть, как у Анфала, а не калега, как у Рассохи! Анфал реку всю знал, каждый поворот и перекал. И про Сарай все было известно: где лавки богатые, где казна. Сколь охраны – все выведал! Только и осталось весело сбегать! Э-эх, как мы из воды-то выскочили, да засвистали!

– Откудова?!

– Да из воды, говорю, из реки! Мы ночью подошли прямехонько напротив города и стали. И сколь времени под водой сидели, через камышины дышали. А как ободняло, мы как выскочим, да засвищем! Анфал придумал из бересты рожи всякие понаделать, да рога, да хвосты привязали. Хоть кого страх возьмет! Татарове все побросали, убежали. Оне воды боятся, оне только в степи хозяева, а на реке никто. Тут еще наши подошли на ушкуях, плоты подогнали. Палево подняли высокое, чтобы далеко видно было... Весь день плоты нагружали, их мужики волоком увели до Хлынова. А мы к ночи – во голова-то у Анфала! – не вверх пошли, а вниз, в протоке засели. Татарове побежали было плоты догонять, а мы имя опять в городе палево подняли. И опять в протоку. А потом ушли в Хлынов. Весело сбегали, да...

Тур снова замолчал. Потрескивал костерок, тишину безлунной ночи нарушал только еле слышный плеск прибрежной речной волны. Тяжкая виноватая досада прерывала молчание:

– Пошто я с имя тогда не пошел? Анфал ведь спрашивал меня, пойду, нет. Он тамока протоку одну хотел посмотреть: протока али глухая старица. Ушли-то всего на двух стругах. Ну, дак и чё, ждали их, видно, тамока. И ведь как-то Рассоха вывернулся? Анфала взяли, а этот домой пришел! Гнида!

...В этот предутренний час совсем неподалеку, в Раздерихинском овраге, заканчивался земной путь легендарного Анфала. Тускло чадил смоляной факел, прикрываемый полой кафтана, плохо поддавалась земля, сплошь продернутая корнями ивняка. Яму велели вырыть глубокую, чтобы не раскопали бродячие псы и не размыли весенние паводки. Рогожа, в которую было обернуто тело, из-за неловкости дрожавших рук развернулась. Громадный костистый Анфал лег на сырую землю, блаженно вытянулся и прильнул к ней. Выкаченные в смертной муке глаза подернулись тенью и тихо закрылись. Казалось, только сейчас Анфал облегченно испустил последнее дыхание, и душа, как легкий туман, покинула его... Не стало на земле Анфала, и след его последнего пристанища был старательно затоптан и завален подрытой старой ветлой.

...Небо на востоке начинало светлеть. Давно ушел спать Ряпа, а Тур все сидел возле костерка, пошевеливал угли, подкладывал невеликие палочки. Как ждал кого-то. Как чувствовал... Какой-то небольшой мужичок выскочил из темной тени кустов:

- Тур, слышь-ко, Тур, нету Анфала, нету Анфала боле!
- Как знашь? Видал чё?
- Чё тебе, как знашь! Уж знаю. Нету делов без следов...
- Кто наследил-то? Рассоха?!
- Сам думай. А я и не сказывал тебе ничё, это тебе ветром надуло.

Мужичок исчез в кустах, как не был. Как будто и впрямь пролетававший временами северный ветерок, предвестник осени, нашептал в уши то, что не могло, ни за что не могло быть реальностью. Эльдэнэ старательно «спал». Тур тяжело поднялся, медленно зашагал вдоль крепостной стены, уже освещенной первыми лучами еще не видного глазам солнца.

...Рассоха принял смерть без страха и протеста. Орлиный взгляд Анфала, которому он привык мгновенно подчиняться, взгляд уже совсем потухших синих глаз, уже с той стороны, из смерти, вдруг налился ненавидящей силой и расколол голову-калегу. Слепыми безумными глазами, не моргая, убиец Анфала глядел на восходящее солнце. Ни крика не было, ни шума никакого, только первый солнечный отблеск на востром разбойничьем ноже...

И снова тихий костерок на речном берегу возле крепостной стены. Уже и Ряпа проснулся:

– Слышь-ко, Тур, а чё мужики сказывают, Анфала вчера зарезали?! Ето чё? Брежут али чё?!

– Кто сказывал, с тех и спроси. А Рассоху точно зарезали.

Костерок догорел, угольки подернулись легким серым пеплом.

– Уйду я, Ряпа. Не глянется мне все это. Давеча мужик проезжал, мельник из-под Слободы. К себе зовет, девку свою, сказывал, за меня отдаст. Справный мужик. У его в дому девок много народилося, кому мельницу держать? Иди, говорит, ко мне. Уйду я. Сказывал, брашно он мелет, да брагу ставит, вотякам возит. Ему купцы слободские шибко выгодно расчет дают. И товаром, и деньгой-новгородкой. А уж скоро жито начнут сжинать, да брашно делать. Робить, мол, некому. Вот я к ему и пойду. Жениться охота да и жить, как люди. Набегался. Немца нашего с собой возьму в работники. А ежели про меня кто спросит, сказывай, мол, и не знал такого никогда. На вот печатку мою, в Котельниче мой струг возьмешь.

В Котельниче, в Котельниче... Вот где струги-то ладят да прячут до поры. А и то: Котельнич много ниже по реке, течение там крутое, быстрое, торопится Вятка к сестрице Каме.

Судя по разговору, в хлыновской шайке произошли бурные события. Легендарный Анфал то ли впрямь переметнулся, то ли пал жертвой оговора. И что с Рассохой? Это важно. Прикинуть бы, каковы сейчас у них силы-то, у свирепых вятских защитничков. В Котельнич бы, на ушкуи глянуть – вон они где запрятаны! Время ли в глушь деревенскую забираться? Уйти от своих владельцев Эльдэнэ мог в любой момент, они про него на другой же момент забыли бы. Но хороший соглядатай не должен в глаза бросаться, он должен быть частью той жизни, которую наблюдает. Как бы вот сейчас не сбегать до Котельнича! Но только сунься в Котельнич – точно пришибут. А чтобы не пришибли, надо быть частью незаметной, неброской. И такой частью в вятских землях он уже стал. Пока все складывается неплохо. Купцы, значит, к мельнику захаживают? Или он к купцам? А на какой ляд вотякам столько браги? И почему за вотяков расчет дают купцы?

Ладно, для начала идем к мельнику.

Жёнки устюжанские

Но быстро уйти не удалось. Мельник приехал на ярмарку. Три дни кипела и бурлила ярмарка на широком лугу возле крепостных стен. Эльдэнэ знал: для того чтобы про страну

что-то понять и выведать, не надо околачиваться в господских покоях. Люди в таких покоях одеты в заморское, еда у них своя-особая, и правды никто не молвит. Иди на рынок, к просто-народью. Увидишь, чем народец занят, что сеет, что ест. А при желании все узнаешь и про господ. На каждого господина – сотня-две прислуги. У прислуги родня, у родни еще тоже родственники. Вся подноготная господ была простонародью прекрасно известна. Может, только насчет внешней политики мало что говорили, да и то потому, что не шибко интересовались. Много где бывал Эльдэнэ – это правило его никогда не подводило.

Богатая ярмарка в Хлынове! Привезены и хлеб-соль, и мясо, и сало, и мед, и воск на свечи, шерсть овечья всякая – чесаная, пряденая и в носки-варежки связанная, овчины и тулупы овчинные, щетина, дичь, рыба, лен пряденый и в холсты тканый, сукно, обувка всякая – и кожаная, и лапти, топоры и иной плотницкий припас, косы, цепы, сохи, корчаги большие и малые, хомуты-узdechки, ложки деревянные и черпаки, сундуки расписные, сундучки малые искусной резьбой изукрашенные, прялки большие и малые тоже все в росписи и резьбе, сани-телеги и всяческий скот. Мычали коровы, у коновязей помахивали хвостами вятские кобылки. Против скакунов арабских неказиста вятская кобылка: и собой невеличка, и лохматенька. А резва в тройке, сильна и к морозам привычна. И норов у нее спокойный и добрый. С хорошим хозяином в работе старательна. А умна! Куда бы хозяин ни заехал, она помнит дорогу к своей конюшне и домой придет всегда.

Некогда было нашему мужику все время на рынке торговать, придумали по большим праздникам съезжаться и расторговываться. Поэтому русская ярмарка – веселое дело, шумное, голосистое.

А тут еще и подарок к ярмарке, дорогой и долгожданный: жёнки устюжанские! Приметно было, что в Хлынове баб да девок маловато. В дружины-то собирались одни мужики. Вот устюжанки-хитрованки и удумали тоже собираться дружинами, да и наезжать в Хлынов – в жены к тамошним молодцам. Разбойный Хлынов сдавался такой дружине безо всякого сопротивления, даже, наоборот, с огромным удовольствием! Да и свои вятские мужики тоже на ярмарку невест везли – телегами!

Девки и хороводы водят, и песни поют, парни силой меряются – гуляет народ, аж и про торговлю иной забудет. К вечеру третьева дни венчанья начались. Видно стало, что не с пустыми руками устюжанки приехали: шали богатые, сарафаны каёмчатые, каждая икону несет в богатом окладе. Пригляделся изветчик: оклады-то серебряны! Да так мастеровито изукрашены, все-то мастер ладил, нигде рука промашки не дала. Сканию тонкой узоры выложены, цветы райские и травы. Вот куда серебряный следок уходит! Вот сюда он и уходит: к устюжским мастерам. Из блюд басурманских ладят оклады икон, да церковную утварь! Товар – дороже дорогого, таково мастерство. А монастыри-то да храмы строят по всем княжествам русским: и в Твери, и в Рязани, и во Владимире, тут, пожалуй, и повыгоднее дело, чем монету чеканить!

Вот так-то, князюшка. Где-то писано, что принадлежит Устюг князьям владими́ро-суздальским и даже уж сыновьям не раз завещан! Писать можно, пергамент терпелив, что ни напишешь – все снесет. Только вот эта девка устюжанская, несущая венчальную икону в серебряном окладе, она все это написанное перечеркивает, не ведая того. Не было на Устюге власти ни московской, ни владимирской. Никто тут до серебряных тайн никого лишнего не допускал.

Мастерство устюжских ювелиров прославится на всю Россию: скань серебряная, чернение, тончайшие эмали. А узоры все те же: травы да цветы райские, такие же, как на расписных прялках, печках и сундуках. Не потеряется следок серебряный, не исчезнет! А устюжанки не забудут свой славный промысел, несколько веков такими же дружинами будут уезжать в жены покорителям Сибири и Дальнего Востока.

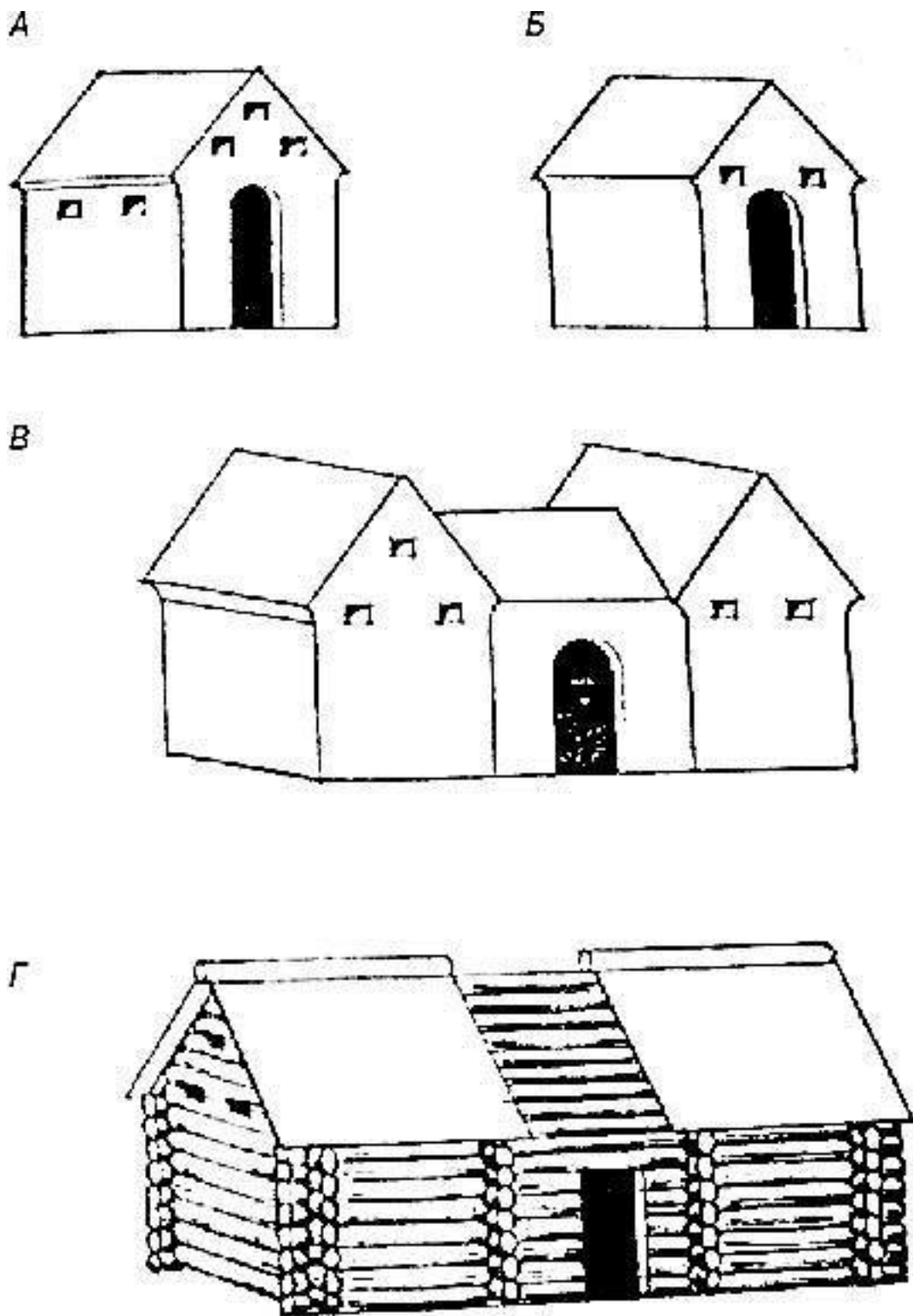
Поет-гуляет ярмарка...

Мельник обошел чуть не все ряды, все поглядел, попробовал мед в каждой бочке, перебрал и в руках помял каждую узdechку. И девкам в хороводе подпевал, и на службах-венчаниях

подтягивал. Но Тур, по-прежнему мрачный и сосредоточенный, заторопился уезжать. Эльдэнэ, не мысля ничего для себя интересного увидеть в поселении смердов, потянулся за ним.

Выпугали соловья из куста...

Поселение вятских мужиков, небольшая деревня на пяток дворов. Поставлено одной улицей на южном склоне пологого угора по-над прудом. На угоре, видная издаля, небольшая церковь поставлена, ровно свечечка затеплена. Избы вольно стоят, друг от друга подале.

Образец вятского жилища. А – изба, Б – клеть, В и Г – жилая связка «изба – сени – клеть»

Изба сама по себе огромная для мужицкого жилища, на две половины – зимнюю и летнюю, на высоком подклете. Возле избы сараи да конюшни рубленые под тесом топорным. Все хозяйство – как буква П, и огорожено, ровно крепость. На плотине мельница, на угоре позади деревни еще одна – ветрянка, крыльями крутит. Богато смерд живет, однако. А где хозяева у смерда? Кто им владеет, вот этим мельником, и женой его, и детьми, и прудом, и

мельницами? Где он? Вблизи не видать. В Хлынове вообще ни одного княжеского или боярского дома нет, нет и самого князя или боярина. Как-то народ живет сам собой, да и все.

Этому народу, который впоследствии назовут кержаками, история отвела лет 600–700, от зарождения на Вятке в XII или XIII веке до гибели в сталинскую коллективизацию в 1920–1930-х годах. Этот народ никогда не признавал господина над своей головой. «Народная держава», новгородская Америка.

Семья у мельника: сам, сама, сын Денис женатый да две девки, старшая Оня и младшая Сина. Еще один сын отселен в починок, да две девки выданы замуж в деревню Кленовку. Где-то на дальней пасеке живет мельников тятя, старый уже. А хозяйства-то, хозяйства!

Позже узнал Эльдэнэ еще одного мельникова сына. Про него сказывали так: Федул где-то мельнично колесо катит. Тутока за деревней Сосновой горюшка есть, Гляделка называется, далеко с ее видать. Тамока камень жерновой, в горюшке-то. Мужики даве сбегали, жернов вырубili, а Федул катит его сюда. Чё, мол, ему, Федулу! Федул через несколько дней объявился вместе с мельничным жерновом. Стоял на угоре возле ветрянки, сам рос том чуть не с мельницу и гулко хохотал. Федул был дурак. И так он был доволен, что прикатил колесо, пришел домой! От этой самой радости турнул колесо с угора на деревню. Бог миловал, – крестился потом мельник. Громадное каменное колесо со свистом пронеслось по улице, вдребезги расшибло баньку, только бревна во все стороны взлетели, и шлепнулось в пруд у берега. Федул зрелищем был очень доволен, гулкий хохот его разносился далеко окрест.

Как ни зол был мельник, а дураку сказал: «Молодец, Федул, волоки теперя колесо обратно в гору. Мельницу тамока ставить будем, ветрянку. Как мельнице без жернова?»

Федула-дурака обязательно надо было хвалить, и он ворочал за пятерых. Иной раз и пахали, и сено возили на ём. Не обижали насмешкой, как всех прочих. Тут ведь разговора нет без подковырки. Бабам поминают: «У нашей Фроси опеть не блины, а табаны!» То есть вотяцкие толстые блины. А уж ежели когда мужик банный угол кривовато выведет, так до седьмого колена память пойдет, будут подковыривать и внука, что дед его оплошал. Хвалили только дурака Федула, и тот был уверен, что он всегда лучше всех, и ворочал изо всей своей мочи неопикуемой.

Недалеко под горкой увидел другую деревню. Так говорили: «Вотяки тамока, под горкой. Не проста гора-то у их. Молельна гора у вотяков. Чё с их возьмешь, люди лесные. Пню молятся. На горе ихние-те пни стоят. Никакого лесу нет на горе, только пенья ете. А внизу, под горой, молельна поляна. Оне тамока скотину по своим праздникам режут. Такой порядок. Как овечку зарежут, мясо сварят, съедят, а колдун-от ихний на кишки глядит, вызнает, чё у кого будет вскорости. Вот еть грех какой! Сказано в Писании: «Не должен находиться у тебя... вопрошающий мертвых, ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это». Мерзок, во как! Поглядят на ете кишки и вверх волокут, к пеньям. Кто волокет, просит, чтобы от беды его ослобонило. А остатне в кружок станут, песню свою затянут и пляшут. Такой у их праздник. Чё имя, вотякам!»

А деревня вотяцкая, ну, обычная для лесных людей первая еще деревня: домишки маленькие, косые. Лесные люди по первости больших домов боятся. В тесноте они обыкли жить, в землянке. Да и не под силу им такие хоромы городить, кои новгородцы воздвигают. И обычай стирать одежду – тоже удивителен людям леса. И мыться они по первости не толкуют. Но, что удивительно, дорога к той вотяцкой деревне проложена и даже мостик через речку кинут.

– На дороги ете шибко много ране-то робили. Лес вырубить, пенья выворотить, землю где насыпать, дресву. Наших по деревням наймовали, не одинова. Тятя-то мой с братьевьями ездил. С лошадьми, с телегами – выгодно было.

Тот мостик Тур был послан проверить и поправить. Мельник ругал вотяков:

– Был уговор, вместе дорогу подсыпать и мостик ладить, а оне не делают ничё! Как брагу к имя везти? Горшки-те поломам! Вот нажалуюсь купцу али ватаману, чтобы у их ссяку не брали!

Что-что не брали? И переспросить нельзя. Он же тут немец, немко, немой, вроде дурачка. Зачем все же вотякам брага? А кому и зачем нужна вотяцкая ссяка?! Не удивительно только, что вотяки не толкуют поправлять дорогу и мостики. Вот это совсем не удивительно, нисколько. Самим лесным людям пока что это в большую диковинку – и дороги, и мостики. Все получается так себе, неважно, а никто не любит делать то, что выходит плохо.

Мельник – мужик могучий, уже в годах. Девоч наплодил – не сосчитать. Трех уж замуж выдал, старшая, Оня, теперь за Тура пойдет. А чего не пойти, Тур парень хоть куда. Тятя дом сулится возле ветрянки-мельницы поставить, да и мельницу хочет отдать, смотря как справляться будут. Здоровенная грудастая Оня уже доняла отца просьбами выдать ее замуж, а тот все отговаривался: «Как мешок станешь подымать, выдам». Мешок Оня еще прошлым летом вздымала – легко. Но мельник, отвергая сватов, все мечтал привести в дом зятя работника. И теперь все до единого были довольны. Оня с Васильем, столкнувшись где случайно иль нарочно, стояли, как громом пораженные, не в силах сдвинуться с места, пожирая друг друга глазами. И, стоило мельнику отвернуться, мчались на сеновал.

Тем не менее, с самого с утра Оня принялась истошно голосить, умоляя тятеньку и мамоньку не отдавать ее во чужой дом, во чужие люди.

Ой-да с кем вы, кормилец батюшка
И родимая матушка,
Думали думу крепкую —
Что отдать меня во чужи люди.
Наслывуся я, молодешенька,
И ленивая, и сомливая,
Незаботлива, неработлива!⁴

Вопль стоял на всю деревню, потому что голосила Оня во дворе – специально, чтобы люди слышали. И бабы деревенские находили заделье, чтобы мимо мельниковой избы пройти и послушать Онькино горестное голошение. Мало девка будет голосить, мало реветь – народ осудит. Отцу, наконец-то разрешившему замужество, Оня вопила:

Неужли я тебе, кормилец-батюшка,
Не работница была, не заботница,
Твоему дому не рачительница?

После обеда к Онькиному горькому плачу присоединилась мать и залилась горячими слезами пуще дочери. Обе истошно выли и колотились головой об лавки дома и во дворе. Если бы кто проезжал тогда мимо деревни, подумал бы, что случилось в доме необычайное горе. Не переставая голосить, мать вытопила баню. К вечеру пришли онькины подружки, косу расплели, в баню мыть повели. Онька вопила, не переставая.

Вам спасибо, мои голубушки,
Навестили меня, горемышную,
Что при этом при злодей-горе, при великием.
Вы красуйтесь, мои подруженьки,

---

⁴ Примечание: здесь и далее см.: Чердынская свадьба / Сост. И. В. Зырянов. – Пермь, 1998.

Вы красуйтесь, мои голубушки,
В красе-то вы в девичьей,
А я-то, молодешенька,
Открасовалась в красных девушках,
Относила алые ленточки.

Объявилась старшая Онькина сестра Сина (Ксения), давно и вовсе небедно жившая своим домом за громадным спокойным мужиком и уже наплодившая кучу ребят. Завыла с порога:

Ой-да сестра моя милая,
Ты не спрашивай, я сама скажу,
Каково жить во чужих людях,
Как упаковать, уноравливать
На злодейских-то на чужих людей!
Поутру ты вставай ранехонько,
Вечеру ложись позднехонько;
Наслывешься ты, моя милая сестра,
И сонливая, и лживая,
Незаботлива, неработлива.
Ты натерпишься, моя милая сестра,
И холоду, и голоду.

Какой холод-голод, какие чужие люди, если жить Оня оставалась все у того же тяти? Так лесные люди злых духов заговаривают, думалось иной раз Эльдэнэ. У всякого народа свои обычаи, и многие кажутся странными, на чужой глаз.

Эти парни и девки, родившиеся здесь, каждый в свой срок положенный, здесь же и упокоятся, и будут в колоде унесены на кладбище за гребнем угора. Они ничего не видели и не увидят, кроме своей деревни. А песни про батюшку Новгород...

Три кораблика плавали,
Ой, цветочек мой, да розовой-малиновой!
Все с купцами да боярами,
Ой, цветочек мой, да розовой-малиновой!
Да с богатыми товарами.
Ой, цветочек мой, да розовой-малиновой!
Ходит молодой купец по городу,
Ой, цветочек мой, да розовой-малиновой!
Ходит молодец по Новгороду.
Ой, цветочек мой, да розовой-малиновой!
Ты пойдь ли за меня, красна девица,
Ой, цветочек мой, да розовой-малиновой!

И молодой купец новгородский – не сиделец в лавке! Это воин-купец. С лихими дружинами ходит он в далекие края, на пермь и югру, жизнь его – игра молодецкая!

Конца у песен не было, про «ой да ты, цветочек» можно было петь целый вечер, тут тоже кто-то только повторял, а кто-то и придумывал. Родни у Тура не было, поэтому продолжалась свадьба не неделю, а всего дня три.

Деревенские девки и парни целые игрища устроили, прятали невесту и заставляли тысяцкого ее выкупать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.